

ISSN 2522-1787

*Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка*

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 11

Донецк – 2020

Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 11

Донецк – 2020

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**
Ответственный секретарь – к. филол. наук **Н.В. Гладкая**

Члены редколлегии: д-р филол. наук, проф. **В. В. Фёдоров** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **В.И. Мозговой** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **А.Н. Стебунова** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Г. Евсеева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **Л.Т. Сенчина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. д-р филол. наук, проф. **В. М. Калинин** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»); **Г.Г. Слышкин** (ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет»).

Editorial Board:

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**
Executive Secretary – Candidate of Philology **N.V. Gladkaya**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philology, Prof. **V. V. Fedorov** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **V.I.Mozgovoi** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **A.N.Stebunova** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.G.Jevseeva** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N.Panchekhina** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **L.T.Senchina** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **V.M. Kalinkin** (Donetsk National Medical University of Maxim Gorky); Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian University of Transport, Russian Federation); Doctor of Philology, Professor **V.I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University, Russian Federation)

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк
Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 9 от 27.11.2020 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2020

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ИДИОМЫ «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

В статье рассматриваются специфика лингвообразных интерпретаций и семантикопарадигмальных корреляций окказиональной идиомы «Медный всадник» (МВ) как ключевого конструкта Петербургского текста. Первостепенно значимым для окказиональной идиомы «Медный всадник» является семантическая нагрузка *Genius Loci* – ‘дух (ангел / демон) – хранитель города’, ‘хозяин города’. Семантика МВ как невербального высказывания выглядит так: ‘камень (всадник, власть)’ + ‘вода (лошадь)’ + ‘вода (змея)’ + ‘камень’ = ‘вода’, ‘окруженная’ ‘камнем’ и, следовательно, надежно сдерживаемая им. Этой коннотативно–имплицитной закономерностью обусловлена на языковая природа трактовки МВ как “квинтэссенции”, “сути”, “духа” и т. п. всего города. МВ как знаковой номинации в поэтических текстах свойственны три основные функции: 1) статика, пассивная символичность; 2) динамика, перманентная анимированность и 3) парафункциональность. Языковой основой поэтических интерпретаций негативной (демонической) ипостаси МВ служит семантическая реляция ‘металл’ – ‘оружие’, ‘орудие казни’. Среди коннотаций МВ наиболее частотными и значимыми являются вещные коннотации.

Ключевые слова: *концепт, концептосфера, семантика, семасиология, семантическая парадигматика, языковой образ.*

Языковая изобразительность и совокупность коннотаций окказиональной идиомы “Медный всадник” (далее – МВ) отмечается как ключевая для поэтического образа города многими исследователями. Н.П.Анцыферов определяет номинированную ею реалию как материальную репрезентацию *Genius Loci* – духа-хранителя города [1, с. 35] (лат. “*Genio loci*” (Гению места) [27, с. 293]; “*Nullus enim locus sine genio est*” (У каждого места – свой гений) [27, с. 535]). В.Н.Топоров конкретизирует оценочную модальность рассматриваемой дескрипции, трактуя миф МВ как исходный для семиотической традиции “петербургского демонизма” [28, с. 299]. В то же время исследователь отмечает значимость данного мифа для анализируемого круга текстов как необходимого связующего (переходного) звена между сферами креативного и эсхатологического [28, с. 275]. Таким

образом, семиотическое, семантическое и коннотативное пространство МВ представляет собой единство семиотики, семантики и коннотаций всей сферы витального (логически связывающего креативное и эсхатологическое) в данной концептосфере. В качестве квинтэссенции сферы значений бытийственности города трактует МВ и В.В.Федоров: “Петрополь – это своего рода Медный всадник, Петр, спящий вечным сном” [30, с. 55].

На наш взгляд, коннотативная специфика МВ может быть истолкована двояко: либо как спектр вариантов представления именованной реалии в целом в различных текстах и у различных авторов, либо как совокупность коннотаций ее материальных составляющих – ‘металл (бронза, медь)’, ‘камень’, ‘змея’, ‘лошадь’, ‘всадник’. При этом второй вариант анализа более полно раскрывает специфику коннотирования МВ в его конститутивной семиотической ипостаси – ключевого невербального высказывания в “тексте” города. Поэтому мы представим здесь именно этот вариант анализа, дающий также возможность проследить закономерности формирования более поздних, целостных коннотаций на уровне изначальной семантики элементов.

Что касается, собственно, замены названия металла (‘бронза’ - ‘медь’), то она представляется частной: медь – основа сплава, именуемого ‘бронзой’, что, по-видимому, и обусловило допущение происхождения слова ‘бронза’ от персидского *берендж* ‘желтая медь’ [31, с. 112]. Поэтому, хотя и существует трактовка мотивации данной замены как сознательного снятия “облагораживающей” коннотации металла, мы не намерены останавливаться на данном моменте детально. Отметим лишь, что, на наш взгляд, данная замена была осуществлена по принципу хронологического соответствия: упоминание более древнего (ранее ставшего известным человечеству) материала усиливает актуальную для смыслового континуума и стилистической окрашенности произведения импликацию МВ – ‘языческое божество’. М.Ф. Мурьянов обосновывает замену металла в выражении “Медный всадник” тем, что “такой эпитет есть в языке Библии, где как раз нет слова бронзовый” [14, с. 102]. Интересна также предлагаемая исследователем колоративная соотнесенность языкового образа МВ с библейским контекстом. В данном отношении М.Ф. Мурьянов отмечает, что колоратив в библейском сочетании конь блѣд неоднократно истолковывался переводчиками как “зеленый”, “зеленоватый” с пояснением “таков цвет разлагающегося трупа” [14, с. 102]. Общеизвестно, что именно такой оттенок, а затем и сплошной налет купоросной зелени довольно быстро приобретают медь и содержащая ее бронза на открытом воздухе. Известна также этимология слова ‘медь’ - ст.-сл. *смѣдъ* – ‘темный’ (компонент сплава – бронзы наряду со ‘светлым’ – оловом) [19, с. 130], в определенной мере актуализирующая реляцию МВ – ‘языческое божество’, ‘идол’, ‘темный бог’. Нам также представляется не случайной формальная близость фр. *tonnelier* ‘медь’ и фр. *tonnerre*, нем *der Donner* ‘гром’ при очевидной в контексте

мифологического мышления смысловой реляции ‘гром’ – ‘гнев (темных) небес’.

В латинской идиоматике ‘бронза (медь)’ семантически соотносится с такими концептами, как ‘память’, ‘дерево (дуб)’, ‘сила (прочность)’: “*Aere perennius*” (Прочнее меди (о памяти)) [27, с. 47]; “*Aes triplex*” (Тройная медь) [27, с. 48]; “*Illi robur et aes triplex*” (У него мощь дуба и тройной меди) [27, с. 340]. Смысловая параллель ‘медь’ – ‘память’ актуализирует мотив правомерности использования ‘меди’ как ‘материала для увековечивания чего-либо’. В целом же, с учетом доминирования во всех приведенных идиомах импликаций ‘твердости’, ‘прочности’ как конститутивных характеристик ‘меди’, можно заключить, что ‘медь’ семантически выступает в них как частный случай ‘металла’ вообще: ‘медь’ – ‘металл’ [10, с. 105]; ‘медь’ – ‘бронза’ [10, с. 112]. ‘Металл’ же в свою очередь является диахроническим синонимом ‘камня’ с общей семантикой ‘материал для изготовления оружия (орудий труда), продолжение руки, увеличивающее ее силу’: ‘рука’ – ‘топор’ – ‘камень’ – ‘железо’ [12, с. 73].

В данной связи представляется уместным привести утверждение В.Н.Топорова о способности определенных сочетаний языковых единиц задавать “предметно-качественную парадигму” и “семантическое пространство” того или иного текста, делая его “подозреваемым в принадлежности к Петербургскому тексту (без буквальной предикатной соотнесенности с этим городом. – М.Е.)” [28, с. 280]. Рассмотрим пример актуализации образного потенциала семантической параллели ‘металл’ – ‘камень’. Приводимые ниже фрагменты взяты нами из современного российского романа фэнтези, художественный уровень, и, в частности, язык которого получили высокую оценку специалиста: “...перед нами Роман, который интересно читать, не только следя за цепью событий, но и любясь вязью идеально, словно кольца кольчуги, подогнанного плетения слов” [3, с. 588].

▲ “Вроде бы, случайное нагромождение камня, а чуть отступишь в сторонку, и дух перехватывает: это что же за скульптор сумел бы подобное изваять!.. У подножия черной громадины неистово kloкотало широкое кольцо бурунов: тяжелые волны с разбегу обрушивались на подводные рифы, вздымаясь косматыми облаками пены и брызг. Могучий конь вырос из скалы, заноса в бешеном беге чудовищные копыта. Седок не трогал поводьев – одна рука простерлась вперед, другая тянулась к мечу... Снова ударила мертвенная вспышка зарницы, и резкие тени вычертили лицо. Такой лик мог быть только у Бога Отмщения. Горе и ярость, обретшие человеческие черты” [Семенова, 25, с. 374];

▲ “Он смотрел на каменные копыта, плывшие вперед сквозь гром и брызги прибоя, и не мог с уверенностью решить: выглядели они так же, как перед гибелью корабля, или их положение все-таки изменилось? Только ли волны несли “косатку” на камни или сама скала двигалась ей навстречу?”

(...) *Ни дать ни взять, Всадник и его конь только что растоптали три с лишним десятка людей, проскакали над ними и унеслись дальше, ища в океане ведомое только им*” [Семенова, 25, с. 382 - 383];

▲ *“Камни под его руками были мокрыми и холодными. Никакого тепла скрытой жизни в них не ощущалось. Если она все-таки обитала здесь, эта самая жизнь, она, верно, была такой же холодной и темной. По крайней мере, от шторма до шторма”* [Семенова, 25, с. 389-390].

Как видим, мысленная замена во всех приведенных фрагментах обозначения ‘каменный’ на ‘медный (бронзовый)’ делает “заимствование образа” очевидным. Видимо, именно поэтому, во избежание практически полного денотативного и коннотативного повторения картины наводнения и кульминационной сцены соответствующего классического произведения, автору пришлось внести некоторые изменения: смысловые (к выполняемой всадником функции охраны определенной территории добавлена функция мести) и формальные (положение одной из рук всадника, наличие меча). Следует отметить, что последняя “воображаемая деталь” в описании МВ присутствует и в одном достаточно известном поэтическом тексте – как семиотическое воплощение охранительной функции: *“Он будет город свой беречь, / И, заалев перед денницей, / В руке простертой вспыхнет меч / Над затихающей столицей”* [Блок, 4, с. 102]. Для нас данный пример значим как иллюстрация номинативного единства (вплоть до возможности замены) концептов ‘металл (медь, бронза)’ и ‘камень’, в том числе и в плане выражения таких смыслов, как ‘сила’, ‘непреклонность’, ‘охрана’, к которым контекстуально добавляется представление о ‘сверхъестественной силе металла или камня, оживляющей его в непогоду’. Этимологические словари также отмечают функциональное “родство” названных концептов: “В основу названия металла было положено слово, ранее называвшее камень, что предполагает перенос по функции” [315, с. 218]. Примечательна также буквальная актуализация в поэтическом тексте смысловой реляции, обнаруженной нами в этимологической работе. Дело в том, что цитированным строкам о воображаемом мече в руке МВ предшествует следующая образная дескрипция: *“Сойдут глухие вечера, /.../ В руке протянутой Петра / Запляшет факельное пламя”* [Блок, 4, с. 102]. При этом в работе исследователя, посвятившего целый ряд публикаций этимологиям различных наименований оружия, содержится следующее соответствие: др.-исланд. эпитет меча – *brandr* ‘сверкающий’ при др.-англ. *brand* ‘горящий на ветру факел’; ср. также и.-е. **meik-*, **mik-* ‘сверкать, искриться’ [17, с. 109-110]. Кроме того, цитируемый блоковский текст, наряду с некоторыми другими [Брюсов, 5, с. 527; Набоков, 281, с. 22] и, безусловно, [Пушкин, 22, с.183], примечателен актуализацией семантически амбивалентного смысла МВ – ‘ангел / демон – хранитель города’, логически закономерного в контексте идеи оценочной дуальности, предельности, лиминальности (см. раздел 2.3 настоящей работы) обсуждаемой концептосферы.

Завершив разбор коннотаций “материальной” составляющей МВ, перейдем к анализу смыслового потенциала его структурных компонентов – ‘змея’, ‘лошадь’, ‘всадник’. Концепт ‘змея’ отражен в идиоматическом материале весьма широко и разнопланово с точки зрения сопутствующих ему коннотаций. Во французском, итальянском и испанском вариантах обозначения данного концепта – *le serpoent, serpente, la serpiente* – очевидна семантика ‘гнутья’, ‘извиваться’. Семантически ‘змея’ соотносится также с ‘высшим, сверхъестественным началом’: ‘змея’ – ‘тотем’ [11, с. 146]; ‘змея’ – ‘божество’, ‘небо’, ‘разум’ [9, с. 87]. Таким образом объясняется акцентированный стилистический компонент в общей семиотической концепции МВ.

Достаточно известна латинская идиома “*Anguis in herba*” (*Змея в траве*) [27, с. 67], “унаследованная” многими европейскими языками, в частности – английским: “*Take head of the snake in the grass*” (*Не упусти из виду змею в траве*) [23, с. 175] = ‘скрытая (смертельная) опасность’. Аллегорическая концепция анализируемого артефакта (МВ) также подразумевает данным своим фрагментом опасность, но уже явную и подлежащую уничтожению. На уровне семантических параллелей существует реляция ‘змея’ – ‘вода’ [11, с. 286; 112, с. 173], подтверждающая связь данного фрагмента рассматриваемого артефакта со сферой ‘абсолютного зла’ (‘смерть, эсхатология’) в ее наиболее актуальной для анализируемой концептосферы материальной репрезентации. Реляцию ‘змея’ – ‘влага, мокнуть’ – ‘скользить, пресмыкаться’ подтверждают опять-таки этимологические источники [20, с. 35]. Ср. также фрагмент одного из поэтических текстов о Петербурге: “*Канал проплывает и вьется*” [Вагинов, 6, с. 37] – “визуальное” сопоставление ‘змея’ – ‘вода’ в нем задействовано очевидным образом.

Концепт ‘лошадь (конь)’ встречается в привлекаемом идиоматическом материале как семантическая параллель ‘желания’, ‘стремления’, ‘претензии’ (как правило, необоснованной и потому опасной): ср. англ. “*If wishes were horses, beggars would ride*” (*Будь желанья лошадьми – нищие ездили бы верхом*) [23, с. 103]; “*Don't ride the high horse*” (*Не ездь на высоком (боевом) коне*) (импликация: ‘упадешь и разобьешься’. – М.Е.) [23, с. 58].

В плане выделения семиотических соответствий МВ хотелось бы отметить существующий в восточнославянском фольклоре мотив “дикого всадника”, которым становится душа умершего [33, с. 249].

Семантику концепта ‘лошадь’, изложенную в трудах Н.Я.Марра, можно обобщить в понятии ‘амбивалентное сверхъестественное’: ‘лошадь’ – ‘божество’, а также ‘добро’ и ‘зло’, ‘небо’ и ‘преисподняя’ [11, с. 265], ‘вода’ и ‘земля’ [12, с. 267].

В целом же через семантику ‘амбивалентного сверхъестественного’ ‘лошадь’, как и ‘змея’, коррелирует с ‘водой’. Корреляция этих концептов отражена и в работах Н.Я.Марра: ‘лошадь’ – ‘вода’ (через семантику

‘стремления’, ‘движения’) [12, с. 110]; ‘лошадь’ – ‘вода (река, море)’ [13, с. 243]. Ту же реляцию использует Е.С. Отин: ‘лошадь’ – ‘вода’: битюг – р. Битюг [18, с. 230]. Любопытным и, безусловно, непреднамеренным образом соотносит те же два концепта английская идиома “*Even a worm will turn*” (Даже червяк может встать на дыбы) [23, с. 64] (ср.: нем. диал. *piek* – ‘змея’, ‘червь’ [122, с. 87]), прочитываемая в обсуждаемом контексте как предостережение о том, что всякая ‘вода’ (даже самая тихая) способна активно воспротивиться насилию. В зооморфном аспекте семантики именно таким образом освещает концепт ‘лошадь’ А.А. Киприянова: рус. ‘конь’ – ‘упрямство (норов)’; фр. *cheval quin`a ni bouche ni eperon* ‘норовистая лошадь’ [73, с. 8]. В невербальном семантическом контексте МВ актуальна смысловая реляция ‘лошадь’ – ‘нога’, ‘орудие’ (впрочем, в некоторых современных текстах встречается “техническая” трактовка: лошадь в МВ не давит змею, а опирается на нее). Таким образом, оба структурно “срединных” элемента композиции МВ (реалии) семантически соотносятся с эсхатологической сферой городской семиотики – хаотическим природным началом.

Семантика концепта ‘всадник’ в латинской идиоматике коннотативно сопряжена с представлением об ‘ответственности (озабоченности)’: “*Post equitem sedet atra Cura*” (Позади всадника сидит мрачная забота) [27, с. 609]. Подобным образом, на наш взгляд, вербализована известная номинативно-смысловая связь ‘всадник’ – ‘облеченный властью’, которая может быть сокращена до реляции ‘всадник’ – ‘власть’. Данная реляция семантически подтверждается приведенной Н.Я. Марром параллелью ‘всадник’ – ‘старейшина’ [11, с. 276]. Сакральное восприятие данной связи мифологическим мышлением раскрывают соответствия ‘всадник’ – ‘лошадь’ [12, с. 171], ‘всадник’ – ‘хозяин коня’, при ‘лошадь’ – ‘вода’, ‘лошадь’ – ‘свет’ (обеими ‘лошадьми’ кто-то правит. – М.Е.) [13, с. 26].

Семиотически ‘лошадь, управляемая всадником’, соотносится с ‘властью ratio над стихией бессознательного’; ‘лошадь, несущаяся без сбруи и всадника’ – это, соответственно, ‘бунт бессознательного, вплоть до безумия’ [27, с. 250]. В принципе в этом случае лишь частным образом конкретизируется семантическое отношение ‘всадник’ – ‘власть’. Концепт же ‘власть’ непосредственно коррелирует с концептом ‘камень’.

Таким образом, семантика МВ как невербального “высказывания” выглядит так: ‘камень (всадник, власть)’ + ‘вода (лошадь)’ + ‘вода (змея)’ + ‘камень’ = ‘вода’, окруженная ‘камнем’ и, следовательно, надежно сдерживаемая им. Именно этой – не поверхностной, но вполне определенной – смысловой последовательностью и обусловлена, на наш взгляд, языковая природа неизменно присутствующей в исследованиях текстов о городе трактовки МВ как “внутренней формы” [30, с. 58], “квинтэссенции”, “сути”, “духа” всего города.

В целом выбор словосочетания для поэтической дескрипции знакового артефакта (скульптуры) представляется не случайным. Смыслы ‘всадник’ – ‘власть, высшая сила’ + ‘медь’ – ‘гром’, ‘темный’ (а не ‘бронза’ – ‘желтая медь’ при ‘желтый’ – ‘бледный’ [13, с. 197]) создают отчетливый языковой образ ‘власти темного неба, темного бога’ – “языческого” и (или) “злобного”, что, в принципе, с точки зрения канонической идеологии, одно и то же. Повидимому, именно эта смысловая и коннотативная выверенность идиомы, воспринимаемая на сознательном и неосознаваемом уровнях одновременно, и позволила окказиональному словосочетанию стать устойчивым, а со временем – наиболее известным общеупотребительным именем реалии.

Затрагивая вопрос о специфике коннотаций МВ как образной дескрипции в поэтических текстах, отметим лишь основные функциональные ипостаси обсуждаемой реалии, имплицитные денотативными особенностями сопутствующего контекста. Эти ипостаси нами определяются как: 1) статика, пассивная символичность (статуя есть просто статуя, символ чего-либо – эпохи, власти, города и т.д.); 2) динамика, перманентная анимированность (статуя воспринимается как совокупность живых существ) и 3) парафункциональность, способность выполнять постоянно либо при необходимости определенные, в той или иной мере сверхъестественные действия. Коннотации поэтических описаний МВ-символа по большей части вещны и основаны на актуализации смысловых соответствий ‘божество’ □ ‘истукан’ □ ‘идол’, ‘ложный, рукотворный кумир’ [7, с. 192]; ‘медь’ – ‘металл’, ‘небо (темный / светлый бог)’ [10, с. 105]; МВ – ‘ангел (хранитель города)’, *Genius Loci*. Негативно окрашенные коннотации МВ-символа опираются на реляции типа ‘неподвижность’, ‘молчание’ – ‘смерть’ [8, с. 48]. В дескрипциях МВ как воплощения ‘вечного движения’, коррелирующего с концептами ‘время’, ‘круг’ [11, с. 424], актуализируется представление о ‘вневременном’, ‘сверхъестественном’ в семантике имени знакового артефакта. Для описаний данной группы характерна тенденция наполнения языкового образа МВ различными “авторскими” смыслами в разных поэтических текстах, что соответствует существующему в исследовательской практике представлению об образе как “оболочке” привносимых смыслов [2, с. 75]. Поэтическая “анимизация” артефакта зачастую достигается “снятием” семы артефактности, выражаемой номинацией металла. Образные дескрипции парафункциональности МВ актуализируют семантику и коннотативный потенциал ‘положительного / отрицательного сверхъестественного’. Для негативного аспекта дескрипций данной группы значима смысловая рамка ‘металл’ – ‘оружие’, ‘орудие казни’ [10, с. 26]. Основной позитивной парафункцией МВ, упоминаемой в поэтических текстах, является охранительная. Коннотации образных описаний этой группы строятся на смысловых соответствиях типа ‘охранять’ – ‘любить’, ‘заботиться’ [32, с. 202].

В данном разделе целесообразно также представить анализ фрагмента поэтического текста, отнесенного нами к числу примеров с анимистической доминантой в пределах анализируемой дескрипции. Именно в нем наиболее выразительно прослеживается явление, определенное нами во вводной части работы как *чистая коннотация*.

▲ “Я помню все: Сенат охряный, тумбы / и цепи их чугунные вокруг / седой скалы, откуда рвется в небо / крутой восторг зеленоватой бронзы” [Набоков, 16, с. 542].

Как видим, в данном случае автором снимаются вербальные сигнификаторы собственно объекта обозначения (‘статуя’) при сохранении имени металла (“бронза”) и наличии в тексте акцентированной эмосемы “крутой восторг”. Таким образом, перед нами – один из немногочисленных прецедентов чистой коннотации: автор вербализует ярко выраженную эмоцию без представления ее возможного материального репрезентанта. В плане выделения семантических соответствий следует отметить дублирование представления о ‘стремительном направленном движении’ словами *рвется* и *восторг*; ср.: др.-рус. *търгати* ‘дрожать, биться’; *тързати* ‘рвать’; лат. *trahere* ‘влечь, тянуть, вытаскивать’ [31, с. 169]. Скрыто дублируется и направленность этого движения: *в небо* и ‘бронза’ – ‘небо’ [10, с. 105]. Цвет металла, помимо денотативного соответствия, также имеет имплицитную нагрузку связи с ‘небом, блеском’: ‘блестеть, сверкать’ – ‘быть зеленым’, ‘быть желтым’ [27, с. 150]; ‘зеленый’ – ‘золото’, ‘гореть’ [21, с. 15]. Более того, образно вербализуемое здесь ‘эмоционально напряженное стремление металла вверх’ дополняется импликацией соответствующего звукового сопровождения: ‘бронза’ – греч *brontē* – ‘гром’ [10, с. 294] (реляция ‘небо’ – ‘гром’ очевидна). На наш взгляд, возможно прочтение описываемого в данном поэтическом фрагменте ‘движения’ даже не как ‘стремления вверх’, а как ‘свободного полета’, поскольку его цель – ‘небо’ и отправная точка – ‘скала, камень’ являются семантическими коррелятами (см. выше, [24, с. 168]). Эффект чистой коннотации усиливается контекстуальным окружением дескрипции обсуждаемого артефакта, содержащим прямые наименования других, пространственно смежных реалий без каких бы то ни было признаков образности.

Завершая анализ коннотаций и прагматического потенциала МВ, считаем необходимым повторить, что все оценочно негативные варианты соответствующих поэтических текстов в обязательном порядке содержат то или иное наименование металла. В случаях с позитивной и синкретичной оценочностью данный семантический элемент отсутствует. Иначе говоря, в случае отрицательного восприятия ситуации актуализируется семантика “Медного всадника” – персонажа устного и литературного мифов, в случае положительного – речь идет только об артефакте в том или ином варианте его восприятия. Наиболее частотным и логически очевидным типом коннотаций поэтических описаний МВ являются вещные коннотации [29, с.

144], детерминированные изначальной функцией знакового артефакта – “олицетворять” определенную совокупность понятий (идей).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцыферов Н.П. Быль и миф Петербурга. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. – М.: Книга, 1991. – 84(5) с.
2. Арутюнова Н.Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // *Res philologica: Филологические исследования: Памяти академика Г.В.Степанова.* – М.:Л.: Наука, 1990. – С. 71-88.
3. Балабуха А. Герой без героики или Между альфой и омегой // Семенова М. Волкодав. – СПб., 1996. – С. 575-590.
4. Блок А.А. Стихотворения и поэмы. – М.: Художественная литература, 1978. – 384 с.
5. Брюсов В.Я. Собрание сочинений. В 7 т. –Т.2. – М.: Художественная литература, 1973. – 388 с.
6. Вагинов К.К. Опыт соединения слов посредством ритма, – М.: Книга, 1991. – 215 с.
7. Львов А. С. Из лексикологических наблюдений // *Этимология* 1965. – М.: Наука, 1967. – С. 189-195
8. Маковский М.М. Лингвистическая генетика. – М.: Высшая школа, 1992. – 248 с.
9. Маковский М.М. Язык – миф – культура // *Вопросы языкознания.* – 1997. №1. – С. 73-95.
10. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. I. – Л.: ГАИМК., 1933. – 397 с.
11. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. II. – Л.: Соцэкгиз, 1936. – 527 с.
12. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. IV. – Л.: Соцэкгиз, 1937. – 326 с.
13. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. V. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. – 666 с.
14. Мурьянов М.Ф. К интерпретации старославянских цветообозначений // *Вопросы языкознания.* – 1978. – №5. – С.93-109.
15. Набоков В.Н. Ангелом задетый. Сб. ст. – В 2 вып. – Вып. 2. – М., 1990. – 80 с.
16. Набоков В.Н. Круг. – Л., 1990. – 542 с.
17. (Одинцов Г.Ф. К истории др.-рус. мечь (I) // *Этимология* 1982. – М.: Наука, 1985. – С. 108-115.
18. Отин Е.С. Из этимологических исследований донской гидронимики // *Этимология* 1970. – М.: Наука, 1972. – С. 230-240.
19. Откупщиков Ю.В. Очерки по этимологии. – СПб: Изд-во СпбГУ, 2001. – 479 с.

20. Петлева И.П. Заметки по славянской лексикологии (VIII) // Этимология 1977. – М.: Наука, 1979. – С. 33-38.
21. Потebня А.А. Собрание трудов: Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. – 479 с.
22. Пушкин А. С. Сочинения. В 3 т. Т.2. – М.: Художественная литература. – 527 с.
23. Райдаут Р., Уиттинг К. Толковый словарь английских пословиц. – СПб.: Лань, 1997. – 250 с.
24. Сараджаева Л.А. К этимологии арм. ERKIN ‘небо’ // Этимология 1994-1996. – М.: Наука, 1997. – С. 165-168.
25. Семенова М. Волкодав. – СПб.: Азбука, 1996. – 590 с.
26. Словарь латинских крылатых слов. под ред. Боровского Я.М. – М.: Русский язык, 1982. – 781 с
27. Суровцова М.А. Выражение цветовых значений в общеславянском языке // Этимологические исследования по русскому языку. – Вып. VIII. – М., 1976. – С. 135-156.
28. Топоров В.Н. Петербург и “Петербургский текст русской литературы” // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М., 1995. – С. 259-367.
29. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. – Вып.11. – М.: ВИНТИ, 1979. – С. 142-148.
30. Федоров В.В. Поэтический мир и творческое бытие. – Донецк: Кассиопея, 1998. – 77 с.
31. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х тт. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1999. – 624 с.
32. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х тт. – Т. 2. – М.: русский язык, 1999. – 560 с
33. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – Сост. Андреева В. – М.: Астрель; Миф, 2001.

M.G. Evseeva

FEATURES OF POETIC INTERPRETATIONS OF THE OCCASIONAL IDIOM «BRONZE HORSEMAN»

The article deals with the specifics of linguistic-like interpretations and semanticparadigm correlations of the occasional idiom "the Bronze horseman" (BH) as a key construct of the St. Petersburg text. Of primary importance for the occasional idiom "Copper rider" is the semantic load Genius Loci – ‘spirit (angel / demon) – guardian of the city’, ‘master of the city’. The semantics of BH as a nonverbal utterance looks like this: 'stone (rider, power)' + 'water (horse)' + 'water

(snake)' + 'stone' = 'water'," surrounded" 'stone' and, therefore, reliably restrained by it. This connotative-implicit pattern is due to the linguistic nature of the interpretation of ВН as the "quintessence", "essence", "spirit", etc. of the entire city. ВН as a significant category in poetic texts has three main functions: 1) static, passive symbolism; 2) dynamic, permanent animation; and 3) parafunctionality. The semantic relation 'metal' – 'weapon', 'instrument of execution' serves as the linguistic basis of poetic interpretations of the negative (demonic) hypostasis of ВН. Among the connotations of ВН, the most frequent and significant are real connotations.

Keywords: *concept, conceptosphere, semantics, semasiology, semantic paradigmatics, language image.*

УДК 81'42

Н.В. Гладкая

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

К ВОПРОСУ О ДЕМОТИВАТОРАХ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

В статье рассматриваются жанровые особенности демотиватора в интернет-дискурсе, процесс восприятия креолизованного текста, а также влияние тенденций интернет-коммуникации на появление комических креолизованных текстов. Особое внимание в работе уделено влиянию игрового компонента на широкое распространение и функционирование демотиваторов в Интернете. В статье осуществлена попытка сформулировать основные свойства демотиватора как жанра Интернет-дискурса. Важное место в нашем исследовании уделено явлению пресуппозиции.

Ключевые слова: *демотиватор, интернет-коммуникация, креолизованный текст, прагматический потенциал, пресуппозиция, комический эффект, Интернет-дискурс.*

Креолизованные тексты представляют собой довольно сложное визуально-текстовое единство, в котором вербальные и невербальные элементы синтезируются в визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, целью которого является комплексное воздействие на адресата. Таким образом, информационная составляющая невербальных средств намного превышает вербальные. Основными компонентами креолизованного текста являются вербальная часть (надпись/подпись, вербальный текст) и иконическая часть (рисунок, фотография, таблица). В

разных типах текстов они встречаются в различных комбинациях. Процесс восприятия креолизованного текста можно представить в виде двойного декодирования: когда мы извлекаем скрытую (имплицитную) информацию изображения и накладываем ее на вербальный концепт текста – все это приводит к созданию единого смысла креолизованного текста.

Появление подобного рода текстов в интернет-дискурсе обуславливается общими тенденциями интернет-коммуникации: сжатость текста (для экономии времени), наличие feedback (обратной связи, т. е. возможности дальнейшего распространения понравившегося текста, цитаты), оценочность (возможность выразить свое отношение к тексту в категориях нравится / не нравится / репост), объединение текста и изображения, анонимность (позволяет участникам свободно высказываться и самоутверждаться), гипертекстуальность (расширение и развитие любой темы), глобализация (возможность постоянного расширения круга участников коммуникации).

Причиной популярности креолизованных текстов является их развлекательно-юмористический характер. Интернет – идеальное пространство для формирования и развития смеховой стихии. Игра, как форма коммуникации, выходит за пределы обычного развлечения и формирует отличительные черты самого общения: обособленность виртуального пространства и времени от повседневности, свободу самовыражения, наличие добровольно принятых правил (например, этикетных норм), позитивную эмоциональность и т.д. [11]

Демотивационные постеры или демотиваторы охватывают достаточно большой процент креолизованных текстов в интернет-дискурсе. Все демотиваторы создаются по определенному образцу: изображение в черной рамке с комментарием, набранным крупным шрифтом и поясняющей надписью, набранной более мелким шрифтом, но иногда поясняющая надпись может отсутствовать. Из-за массового распространения данного жанра, можно отметить существенное отклонение от канона в плане цензуры и регламентации в выборе темы.

Несомненно, в современном обществе демотиваторы занимают особое место, так как являются новыми каналами связи, новыми способами передачи информации. Жанр демотиватора соединил в себе как традиционные, так и новые культурные свойства. Исследователи отмечают, что языковая личность в интернет-пространстве чрезвычайно креативна в выборе и использовании речевых средств общения. Такая нестандартность, как правило, проявляется в стремлении достичь комического эффекта. Игра является одной из основных форм коммуникации в сети Интернет, причем она формирует особое виртуальное пространство со своими характерными качествами: обособленностью от времени и пространства, эмоциональностью (как правило, позитивной), свободой самовыражения и т.д. Для создания комического эффекта используется смысловая неоднозначность.

Для правильного понимания и толкования демотиватора пресуппозиция крайне важна. Имплицитная информация в демотиваторе не имеет своего собственного, прямого вербального выражения, ее содержание не получает непосредственного словесного воплощения, но оно становится известным, доступным для адресата сообщения благодаря речемыслительной операции импликации (вывода), извлечения невысказанного из высказанного, то есть из компонентов семантики, представленных в значении материально-языковой формы единиц речи или их элементов.

Этот вывод может зависеть от многих факторов: воспитания реципиента, его культурного уровня, фоновых знаний, общей экстралингвистической информации и др. Это еще раз доказывает важность наличия пресуппозиции. В нашем исследовании представляется уместным понимать явление пресуппозиции в качестве компонента смысла текста, являющегося предварительным знанием необходимым для адекватного восприятия текста.

Как отмечалось ранее, жанр демотиватора можно считать прецедентным феноменом, то есть регулярно воспроизводимым и хорошо известным всем представителям социально-культурного пространства (прецедентным может выступать известная фраза, герой сериала или кино, медийные персонажи и т.д.). В случае с демотиваторами прецедентным является и сама форма (чёрная рамка). Именно прецедентность является одним из основных факторов межкультурного общения, а социальные сети обеспечивают необходимую для этого коммуникацию. Благодаря культурной коннотации, которая присуща креолизированным текстам, коммуникант может распознать прецедентный феномен.

К числу прецедентных высказываний можно отнести различные цитаты, афоризмы, пословицы, трансформированные крылатые выражения, поговорки. Вслед за И.В. Захаренко мы отметим, что структура прецедентного высказывания имеет три уровня: 1) *поверхностное значение* - складывается из суммы значений составных элементов высказывания; 2) *глубинное значение* - представляет собой нечто большее, что образует «лексико-семантическую структуру высказывания»; 3) *системный смысл* - сочетание «глубинного смысла», знаний и представлений о прецедентном тексте или ситуации, которые лежат в основе данного высказывания [8]. То есть благодаря прецедентным высказываниям мы можем получить в сжатом виде ту или иную информацию о культурологических особенностях определенного народа, о тексте-источнике или каком-либо событии.

Основная проблематика демотиваторов заключается в попытке определения их жанровой природы. Демотиватор – это сложное поликодовое образование, состоящее из двух неразрывно связанных и взаимодополняющих друг друга частей - вербальной и невербальной (иконической). Исследуя поликодовые тексты, Л.С. Большакова отмечает, что невербальной составляющей присущи интертекстуальность,

гипертекстуальность и креолизованность [3]. Под интертекстуальностью понимается использование цитат, характерных исторических, литературных и культурных образов. Гипертекстуальность проявляется в игровом эффекте при расширении образности иконической части. Креолизованность понимается как отдельная характеристика текста, которая содержит помимо вербальных компонентов, «средства других семиотических кодов» [3].

Основная характеристика демотиватора как речевого жанра – анонимность. Анонимность общения в Интернете обогащает возможности самопрезентации человека, предоставляя ему возможность не просто создавать о себе впечатление по своему выбору, но и быть тем, кем он захочет. Благодаря этой особенности пользователи Интернета вступают в некое подобие соревнований в остроумии и не боятся быть непонятыми и раскритикованными. Преобладающее большинство демотиваторов ориентированы на молодежную среду, при этом тип содержания определяется коммуникативной целью. Такая направленность определяет основную особенность языковой личности, которой необходимо не только общение для акта самовыражения, но и важен факт осознания себя в качестве члена общества с активной жизненной позицией.

В современном Интернет-пространстве реализуется тенденция к разрушению авторитетов, а также высмеиванию сложных социальных и политических ситуаций. Формируется новый «демотиваторный тип мышления», а этому способствует резкий контраст между изображением и подписью в креолизованных текстах. Как правило, смысл подписи нарушает логику сообщения и вызывает эмоциональную реакцию.

При создании демотиваторов используют различные стилистические приемы, тропы (метафора, гипербола, гротеск), риторические фигуры (вопросы, восклицания, градация, параллелизм и т.д.), трансформированные логоэпистемы. Текст подписи (слогана) зачастую содержит орфографические и пунктуационные ошибки, жаргонные и сленговые выражения. Активно использование известных афоризмов или их трансформированных вариантов, высказываний известных людей (актеров, писателей, политиков и др.), цитат из книг, фильмов или песен, частоты в использовании перефразированные прецедентные высказывания и проч. Тексты, подкрепляющие иконическую часть, могут быть различны по синтаксической структуре: монологи, диалоги, цитаты, полные и неполные предложения, повествовательные, вопросительные, восклицательные и проч. (Рис.1, 2)

Рис. 1

Рис. 2

Частотны употребления в демотиваторах метафор, метонимий, гротеска, гиперболы, риторические фигуры выражены восклицаниями, риторическими вопросами, градацией, параллелизмом, антитезой и проч. Например: *Каждый электрик хотя бы раз в жизни был проводником; Молодость заканчивается тогда, когда понимаешь, что листки календаря ещё отрываются, а ты уже нет; Пейте дети молоко, а не то, что я вчера.*

В слоганах используются сленговые выражения, жаргоны, встречаются орфографические и пунктуационные ошибки. Например:

Вот где бабки крутятся! (на фото изображены старушки на детской карусели); *Сестра, дайте пациенту 0,2 мл жижки для вейпа и отправьте на спиннер- терапию* (на фото врач, катающийся на гироскутере по отделению больницы).

Афоризмы, высказывания известных людей, фразы из фильмов, фразеологизмы, логоэпистемы, анекдоты, прецедентные высказывания – все это также может быть использовано в качестве слоганов. Например:

Бесплатный сыр бывает только для второй мышки; Курс молодого отца; Пятьдесят оттенков коричневого (о немытом автомобиле).

Таким образом, жанр демотиватора представляется наиболее актуальным для отображения реалий современной жизни, так как в нем соединены вербальная составляющая, которая предполагает сконцентрированную в нескольких фразах мысль, идею и иконический компонент. При этом для достижения наибольшего успеха демотиватор должен содержать диссонанс между надписью, бросающейся в глаза, и изображением. Кроме того, данный жанр отличает высокая прагматическая функция, которая выражается на уровне пресуппозиций. Пресуппозиция не только способствует раскрытию имплицитного смысла высказываний или подтекста отдельных частей высказывания, но также сама пресуппозиция может основываться на знании имплицитного смысла предыдущего высказывания и подтекста предшествующих отрезков текста. Демотиватор, как один из наиболее часто используемых видов креолизованного текста, представляет сложное образование, в котором объединяются и

синтезируются вербальные и невербальные элементы образуют визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, целью которого является комплексное воздействие на адресата. В таком случае информационная составляющая невербальных средств намного превышает вербальные. Рассматривая демотиваторы, учитывая жанровый подход к явлению, можно отметить самостоятельность данного жанра, которая выражается в сфере функционирования, канале связи и индивидуальных коммуникативно-прагматических характеристиках. Демотиваторы служат средством преодоления речевых, культурных и социальных барьеров, поэтому могут использоваться как при изучении и преподавании иностранных языков, так и в методических целях. Этому способствуют короткие и легкие для запоминания фразы, характеризующие культурные и национальные особенности, стереотипные поведения и речевые обороты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
2. Бабина Л.В. Об особенностях демотиватора как полимодального текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – М., 2013. – № 2 (20). – С. 28-33.
3. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Новгородского государственного университета. – НовГУ, 2008. - № 49. - С. 48-51.
4. Бугаева И. В. Демотиваторы как новый жанр в Интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика [Электронный ресурс] / И. В. Бугаева. – 2011. – Режим доступа: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/10Bugaeva.pdf>
5. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. - М.Прогресс, 1985. – С. 217-237
6. Данилова Ю. Ю. Типы креолизованных текстов в современном лингвосоциуме / Ю.Ю. Данилова, Д. Р. Нуриева // Елабужские филологические чтения: Мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (РТ, Елабуга, 17-18 октября 2013 г.). - Елабуга: Изд-во ЕИ КФУ, 2013. - С. 49-52.
7. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обывденного языка / В.З. Демьянков // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В.Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.
8. Захаренко И. В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1 – М.: МАКС-Пресс, 1997. – С. 100-115.

9. Ушаков А. А. Интернет-дискурс как особый тип речи [Электронный ресурс] / А. А. Ушаков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. - № 4. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-diskurs-kak-osobuyu-tip-rechi-resentsirovana>
10. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Сорокин Ю. А., Тарасов Е.Ф. // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.
11. Сычева Е. В. Понятие дискурса масс-медиа и методы его изучения / Е.В. Сычева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – №3. – С. 205-211. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-diskursa-mass-media-i-metody-ego-izucheniya.pdf> (дата обращения: 25.02.2017).
12. Baran Anneli Visual humor in the Internet [electronic resource]: <http://www.folklore.ee/pubte/eraamat/eestipoola/baran.pdf>
13. Dawkins Richard The Selfish Gene - Oxford: Oxford University Press, 1976. – 306 p.

N.V. Gladkaya

ABOUT THE DEMOTIVATOR AS AN INTOLERABLE INTERNET- DISCOURSE COMPONENT

The article discusses the genre features of the demotivator in Internet discourse, process of perception of the creolized text and the influence of Internet communication trends on the comic texts appearance`s of. Particular attention is paid to the influence of the gaming component on the wide distribution and functioning of demotivators on the Internet. The article attempts to formulate the basic properties of the demotivator as a genre of Internet discourse. An important place in our work is given to the phenomenon of presupposition, which is considered by many scientists. Presupposition cognitively precedes the utterance and assumes that the listeners have background knowledge, and also includes both the context and the situation in which some utterance is made. The genre of the demotivator allows you to beat the presuppositions, because the precedent elements included in its composition reflect the specifics of the current cultural situation. The very genre of the demotivator can be considered a precedent phenomenon, that is regularly reproduced and well-known to all representatives of the socio-cultural space.

Key words: demotivator, Internet communication, creolized text, pragmatic potential, presupposition, comic effect, Internet-discourse

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье рассматриваются явления полисемии, омонимии, синонимии и антонимии в медицинской терминологии. Материалом исследования послужили термины и термины-сочетания, отобранные из русскоязычных медицинских энциклопедий. Научная новизна исследования проявляется на фоне недостаточности работ по изучению семантики медицинской терминологии. Полисемия в подъязыке медицины встречается редко, однако ее рассмотрение позволяет глубже понять природу данного явления. Омонимия в медицинской терминологии проявляется в различных формах. Анализ медицинской терминосистемы позволил выделить термины, которые функционируют как в рамках одной медицинской дисциплины, так и в рамках разных дисциплин, но не выходящих за пределы медицинской науки, межнаучную омонимию. Полисемия, омонимия и синонимия в терминологии отличны от аналогичных процессов в общелитературной лексике. Эти явления протекают в тех пределах, которые не нарушают семантической определенности термина, и не затрагивают характерных лексико-семантических признаков терминологии

Ключевые слова: *терминосистема, медицинская терминология, лексико-семантический процесс, полисемия, омонимия, синонимия, антонимия.*

Анализ терминологической лексики по тем аспектам, которые традиционно применяются для лексики общелитературной, дает возможность отметить, что большинство исследователей пытаются найти как можно больше черт, которые бы четко и ясно отделили слово от термина, лексику общелитературного языка от терминологии. Это объясняется тем, что терминологические наименования в большей степени искусственны по сравнению со словами общелитературного языка и той разницей, которая существует между значением общелитературного слова и содержанием понятия, выраженного термином.

Если для содержания терминологического понятия является обязательным строгое логическое выделение необходимых и достаточных для выражения специфики данного понятия признаков и на основании этих признаков построение классификации понятий, то для понятий нетерминологических наименований эти условия не являются обязательными, так как для значения общелитературного языка, нет надобности в выделении необходимых и достаточных признаков, поскольку

формирование значения конкретного общелитературного слова не зависит от строгой классификации по единому основанию.

Кроме того, преследуя цель сделать термины наиболее точными и рациональными выразителями специальных понятий, создатели терминологических наименований стараются сознательно освободить их от таких естественных семантических явлений, как многозначность, синонимия и др. Но вместе с тем, терминология, являясь частью общелитературной лексики и в значительной степени беря истоки из общелитературной лексики, не может изолироваться от законов и процессов ее развития и функционирования. Поэтому и в терминологии имеют место почти все те лексико-семантические процессы, которые характеризуют лексику вообще (полисемия, омонимия, синонимия и антонимия), но со своими специфическими чертами реализации этих процессов. В терминологии они менее естественны, чем в общелитературном языке, но в некоторых случаях (антонимы) и более естественны, так как становятся выразителем необходимых экстралингвистических явлений. Общеизвестным становится мнение о «вредности» таких явлений, как полисемия и омонимия для терминологии, однако в естественном употреблении они все же присутствуют.

Вред полисемии, которая охватывает все-таки определенные категории слов-терминов, несколько преувеличен, так как термин изолированно, как правило, не употребляется, хотя он и должен быть понятным, независимо от контекста. А контекст всегда защищает его от неоднозначного истолкования.

Что же касается таких явлений, как омонимия и антонимия, то для них терминология является «питательной средой». Здесь они более естественны, наверное, чем в общелитературном языке [3, с.102]

Явление синонимии, полисемии, омонимии и антонимии специальных лексем рассматриваются в терминоведении как недостатки терминологических систем. Среди требований, предъявляемых к «идеальной» терминологии, отмечены однозначность и отсутствие синонимов. Несмотря на отрицательное отношение в терминоведении к рассматриваемым выше языковым явлениям, обнаружение случаев синонимии, полисемии и омонимии, изучение причин их присутствия в медицинской терминологии русского языка позволяет установить системные связи между специальными лексемами и определить место терминологических единиц в системе.

Полисемия. Требование однозначности очень естественно для терминологии и ставится на одно из первых мест, так как однозначное соотношение означающего с обозначаемым обеспечивает необходимую точность информации в науке, технике и других областях. Однако на практике полисемия в терминологии – явление частое. Важно понять, действительно ли многозначность терминов – это такой недостаток, которого легко можно избежать, стоит только заняться упорядочением

терминологических систем. Для более или менее объективного ответа на этот вопрос, вероятно, необходимо проследить, хотя бы на нескольких примерах, какие разряды слов-терминов чаще подвержены многозначности, быстрее способны развивать полисемию.

Как показывает материал, это, прежде всего, очень широко представленные в терминологии отвлеченные отглагольные имена существительные, которые должны означать процесс, действие, т.е. то значение, которые выражали производящие глаголы. И действительно, в качестве первичного, первого, основного значения этих имен, как правило, выступает значение процесса. Но, перейдя в новое качество, став именем существительным, эти слова развивают органически присущие категории имен предметные значения, которые логически вытекают из значения процесса, когда «действие внутреннее перерождается в предмет».

Другая группа терминов, «провоцирующих» развитие полисемии, также относится к разряду отвлеченных имен, являющихся наименованиями наук, областей знания. У них, наряду с общими значениями, развивается и реализуется в употреблении частный, более конкретный вариант этого значения: *химия* – наука и *химия боли*; *география* – наука и уже – *география рака* и т.п. В случаях, охватывающих значительные слои терминологической лексики, полисемия действует как проявление общезыковой закономерности, когда «одна знаковая форма способна вместить в себя целый ряд содержаний».

Однако *полисемия* терминов не лишает возможности понимать их правильно. Обычно указывается, что термин не нуждается в контексте, так как он должен быть понятным без контекста. Но это положение нельзя абсолютизировать, ибо и в терминологии контекст важен, поскольку содержание термина полностью раскрывается только через его реальное функционирование. Более всего это относится к тем разрядам терминов, которым присуща так называемая категориальная многозначность, реальный выход для ее преодоления всегда представляет контекст в литературе или разное место этих различных по существу терминов в классификационной системе.

Таким образом, полисемия терминов – это естественное проявление естественных законов развития лексики. С ней можно бороться, ее можно сдерживать, но она все равно будет находить и находит выход в терминологию как составную часть лексики общелитературного языка.

Многозначность в данной терминосистеме встречается достаточно редко. Однако здесь она имеет свои особенности. Полисемия существует внутри достаточно узкой системы понятий, наблюдаемые случаи касаются наиболее старых терминов, причины ее развития заключаются в том, что понятия, обозначенные соответствующими терминами с течением времени, подверглись изменениям, в результате которых стало возможным выделение у них двух аспектов – общего и частного. Например: *cancer* –1)

злокачественная опухоль; 2) злокачественная опухоль из эпителиальной ткани или сближение значения органа и его болезни. Например, *angina* (ангина) имеет два значения: 1) острое или хроническое воспаление слизистой оболочки зева; 2) заболевание сердца, выражающееся в сильных приступах сердечной боли. В русском языке термин «неврит» также употребляется в двух значениях: 1) *нейрит, аксон, отросток*; 2) поражение нерва, характеризующееся изменениями миелиновой оболочки.

От полисемии можно избавиться путем внедрения новых терминов, при этом необходимо ограничить значения исходного термина. Например, в русском языке наряду с термином «гипертония» введен термин «гипертензия» – «повышенное гидростатическое давление в сосудах, полых органах или в полостях организма», а исходный термин «гипертония» стал употребляться в значении «увеличенный тонус мышц или мышечного слоя стенки полого органа, проявляющийся их повышенным сопротивлением растяжению». Итак, полисемия медицинских терминов естественна благодаря асимметрии языкового знака, «одна и та же форма может использоваться для обозначения разных объектов и выполнять разные функции» [2, с. 69]

Омонимия. Следует отметить, что многозначность терминов может привести к возникновению омонимов, в случае если семантические связи вариантов значения многозначного слова полностью утрачиваются, поэтому актуальным также представляется вопрос о наличии в нозологической терминологии терминов-омонимов. К.Я. Авербух считает, что возникновению терминологической омонимии способствуют три фактора: 1) функционирование в отдельных терминосистемах одинаково звучащих и пишущихся языковых единиц с абсолютно различной семантикой; 2) вхождение термина в другую терминосистему благодаря его метафорическому употреблению; 3) наличие одинаковых наименований, которые обозначают в разных специальных языках различные понятия [1, с. 39]. Среди медицинских терминов обнаружены примеры омонимии, обусловленные первыми двумя факторами. Примером употребления одинаково звучащих и пишущихся языковых единиц с абсолютно различной семантикой является лексема *рак*. Как медицинский термин *рак* представляет собой кальку с лат. *cancer* – «злокачественная опухоль». В русском языке лексическая единица «рак» не является медицинским термином, а заменяется специальным названием определенной опухоли: *лейкома, липома, бластома* и т. д. В современном русском языке слово «рак» употребляется в разговорной речи, при этом уточняется больной орган: *рак печени, рак легкого* и т. д.

А.А. Реформатский считает, что явление омонимии в терминологии представлено одной своей разновидностью, а именно, когда полисемия настолько расходится, что становится омонимией [5, с. 188]. Имеются в виду примеры, когда один и тот же термин наблюдается в разных терминологиях

языка и представляет собой явление межнаучной терминологической омонимии. К межнаучным омонимам можно отнести следующие термины, функционирующие в разных научных областях: *эрозия, карбункул*. *Эрозия* в области медицины обозначает поверхностный дефект кожи или слизистой оболочки, локализующийся в пределах эпителия, а в геологии – разрушение земной поверхности текучими водами и льдом. *Карбункул* в медицинской терминологии обозначает быстроразвивающееся гнойное воспаление кожи и подкожной клетчатки, а в ювелирном деле – название драгоценного камня красного цвета. В русском языке к межнаучным омонимам также относятся термины *кератит* и *нефрит*. Омонимия термина *кератит*: 1) воспаление роговицы, сопровождающееся ее помутнением и снижением зрения; 2) минерал, состоящий из полевого шпата и кварца¹⁰. Омонимия термина *нефрит*: 1) группа воспалительных заболеваний почек; 2) полупрозрачный минерал зеленого, серовато-белого или белого цвета, поделочный камень.

Омонимы, как правило, не затрудняют понимания при общении специалистов, поскольку они всегда – факты разных терминологических полей и вследствие этого однозначно понятны из речевой ситуации или письменного контекста.

Синонимия. Примеры синонимии в терминологии свидетельствуют о достаточно большом представительстве этого процесса в специальной лексике.

Имеется два противоположных взгляда на термины-синонимы. Одни исследователи отрицают наличие терминов синонимов, другие признают их наличие. Так, например, отрицают синонимии в терминологии В.К. Фаворин, А.Б. Шапиро, Е.Н. Толикина и др.

Многие исследователи признают в терминологической лексике наличие синонимии. По этому поводу высказываются Д.С. Лотте, В.П. Даниленко, С.В. Гринев., А.В. Лагутина, Лидов И.П., А.М. Соколова, А.А. Реформатский, С.П. Худолеева.

Основной причиной и источником возникновения синонимов в современной русской медицинской терминологии являются заимствования греческих и латинских медицинских терминов, как базиса международной медицинской терминологии и терминотворчества.

Второй причиной и источником возникновения синонимов в современной медицинской терминологии является создание собственно национальных медицинских терминов переводного и непереводного характера. В частности, медицинские термины греко-латинского происхождения, обозначающие названия болезней и нарушение процессов жизнедеятельности, частей человеческого тела, выполнения медицинских манипуляций и т.п. и прочно вошедшие в современную русскую медицинскую терминологию, имеют соответствующие термины-эквиваленты русского происхождения. Например, рус. мед. терминология: (лат.) *доктор* – (рус.) *врач*, (лат.) *окулист* – (рус.) *глазник*, (лат.) *дерматолог* – (рус.)

кожник, (лат.) *туберкулёз* – (рус.) *сухотка*, (лат.) *гепатит* – (рус.) *желтуха* (*болезнь печени*) и другие.

Среди существующих в русской медицинской лексике синонимов различаются:

- полные синонимы, передающие тождественные понятия (так, воспаление слепой кишки передается лексемами: *аппендицит*, *тифлит*).

- квазисинонимы с неодинаковым объемом значения, так, например, термин *пневмокониоз* – *профессиональное заболевание, связанное с фиброзным уплотнением легких вследствие раздражения, вызываемого вдыхаемой пылью* имеет широкое значение, которое включает в себя ряд узких: *асбестоз* – *профессиональное заболевание рабочих, занятых на асбестовых предприятиях*; *сидероз* – *форма пневмокониоза, вызываемая пылью железа*; *силикоз* – *форма пневмокониоза, вызываемая пылью кремния*; *антракоз* – *пневмокониоз угольщиков* и т.д.;

- термины, употребляющиеся в разных сферах:

а) в науке и в практической деятельности, например *авитаминоз* – в экспериментальных лабораторных условиях и *гиповитаминоз* – в практической деятельности;

б) в научной речи и в профессиональном просторечии: просторечию «*острый живот*» в научных работах соответствуют точное научное обозначение: *аппендицит*.

В современной русской медицинской терминологии широко распространены синтаксические синонимы различных видов, которые соотносятся по построению и совпадают по значению [4]. Наиболее распространенные типы терминов-синонимов:

1) эпоним – мотивированный термин *опухоль Шминке* – *лимфоэпителиома*, *болезнь Калера* – *миеломатоз*, *болезнь Боткина* – *гепатит*. Создание терминов на базе имени собственного объясняется сложностью отнесения впервые описанного заболевания к определенной медицинской форме;

2) накопление знаний о природе заболевания часто приводит к необходимости создания мотивированного термина; термины, состоящие из одних и тех же терминоэлементов, соединенных в разной последовательности, *фиброаденома* — *аденофиброма*, *липофиброма* — *фибролипома*, что соответствует правилам словосложения в древнегреческом и латинском языках и, по-видимому, является уникальным явлением медицинской терминологии.

Оптимальным типом термина-дескриптора для наименований опухолей является интернациональный термин, созданный из классических корневых морфем и конечного терминоэлемента «*ома*», обладающего мотивированностью. Интернациональный характер термина является крайне важным показателем, поскольку такой тип термина облегчает процесс гармонизации терминов и терминосистем в различных языках.

Антонимия. Антонимические отношения в медицинской лексике, как правило, возникают при обозначении качеств и характеристик, обозначающих не абсолютные, а относительные признаки. В результате образуются замкнутые пары, представляющие собой крайние точки противопоставления по определенному признаку. Однако, в отличие от слов общей лексики антонимичные отношения на разных этапах создания медицинской лексики проявляются по-разному. Например, при построении терминологических систем антонимы играют роль своеобразного костяка: легкие роды / тяжелые роды; запоздалые роды / преждевременные роды; доброкачественная опухоль / злокачественная опухоль и т.п.

Особенно отчетливо антонимия представлена в анатомической номенклатуре: *верхние конечности / нижние конечности*; в травматологии: *открытый перелом / закрытый перелом и т.д.*

Антонимия является одним из видов семантической связи и, противопоставляя те или иные слова или словосочетания, мы противопоставляем прежде всего их семантический аспект. В основе семантического аспекта лежит семантическая общность значения, определяющая границы антонимического ряда. Семантическая общность при антонимии подразумевает наличие основания для сравнений. Две вещи, не имеющие основания для сравнения, или, иными словами, не обладающие ни одним общим признаком, никак не могут быть противопоставлены друг другу. Следовательно, семантический аспект противопоставления при антонимии предполагает наличие сходства и различия. Если рассматривать антонимы по их лексико-грамматической соотнесенности, то слова-антонимы, как это наблюдается в антонимических словарях, наиболее распространены среди прилагательных, затем глаголов, существительных и наречий.

Говоря о семантических процессах, можно сделать вывод о том, что в терминологической лексике происходят те же процессы, что мы наблюдаем в общелитературной лексике. Однако явления полисемии и омонимии в терминологии отличны от аналогичных процессов в общелитературной лексике. Это объясняется характерными признаками самих терминов. К отличительным особенностям явлений полисемии и омонимии в терминологии можно также отнести следующие: 1) терминология использует только некоторые разновидности полисемии и омонимии в отличие от общелитературного языка; 2) омонимия может быть охарактеризована по отношению к терминологии как межсистемное явление.

При наличии нескольких синонимичных терминов один из них, наиболее соответствующий терминологическим требованиям, выбирается в качестве единственного представителя данного понятия, а остальные переводятся в разряд запрещенных к употреблению - нерекондуемых или недопустимых.

Решение проблем многозначности, омонимии, синонимии и антонимии в любой научной области знания, включая медицину, должно стать результатом совместной работы лингвистов – терминологов, специалистов соответствующей области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух К.Я. Терминологическая вариативность: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 38–49.
2. Гак В.Т. Асимметрия лингвистического знака и некоторые общие проблемы терминологии // Семиотические проблемы языков науки и информатики. – М., 1971. С. 68–71
3. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977. 246 с.
4. Марчук Ю.Н. Основы терминографии. – М., 1991. – С. 103.
5. Реформатский А.А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии: сб. ст. М., 1986. С. 163–198.

A.N. Stebunova

SYSTEM RELATIONS IN MEDICAL TERMINOLOGY

The article deals with the phenomena of polysemy, homonymy, synonymy and antonym in medical terminology. The research material was terms and combination terms selected from Russian-language medical encyclopedias. The scientific novelty of the research manifests itself against the background of insufficient work on the study of the semantics of medical terminology. Polysemy in the sublanguage of medicine is rare, but its consideration allows a deeper understanding of the nature of this phenomenon. Homonymy in medical terminology comes in various forms. The analysis of the medical terminology system made it possible to identify terms that function both within the framework of one medical discipline and within different disciplines, but not beyond the boundaries of medical science, inter-scientific homonymy. Polysemy, homonymy and synonymy in terminology differ from analogous processes in general literary vocabulary. These phenomena occur within those limits that do not violate the semantic definiteness of the term, and do not affect the characteristic lexical and semantic features of terminology

Key words: *terminology system, medical terminology, lexical-semantic process, polysemy, homonymy, synonymy, antonymy*

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В ОСНОВЕ НАИМЕНОВАНИЙ МНОЖЕСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ И ИНТЕНСИВНОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКА

В статье представлена классификация наименований множественных объектов и интенсивности проявления признака в русском, украинском и английском языках в соответствии с образами множественности, определенным Г. И. Берестневым для русского языкового сознания, позволяющая систематизировать представления о множественности как визуальные (физические), ментальные и чувственные. Отмечены общие и отличительные признаки реализации значений 'много', 'очень' в исследуемых языках.

Ключевые слова: номинация, множественность, инвариантный образ, семантика.

В лингвистике изучение понятия множественности разрабатывалось в рамках логического (А. К. Киклевич, В. З. Панфилов, Д. И. Руденко, А. Е. Супрун, Н. А. Шелякин и др.), функционально-семантического (Л. Г. Акуленко, Т. В. Бобкова, Е. В. Гулыга, К. М. Симонова, А. В. Степанова и др.), когнитивного (А. Вежбицкая, Е. С. Гайломазова, О. И. Егорова, С. А. Жаботинская, Л. П. Колоколова, Е. В. Рахилина, Э. Рош, Е. А. Селиванова, Е. В. Федяева и др.) направлений. Языковые средства выражения количественных отношений в английском, русском, украинском языках описаны в работах С. И. Швачко, Л. Д. Чесноковой и др. Типы представлений, обуславливающих метафорическую множественность, проанализированы в трудах В. Н. Вовк, Н. А. Лукьяновой, В. Н. Телия. В последнее время интерес представляет исследование количественных отношений в рамках когнитивной и культурологической парадигм, ориентированных на осмысление фоновых процессов сознания. В частности, Г. И. Берестнев отмечает, что конечная цель реконструкции представления о множественности в определенном языке – установление инвариантных образов, с которыми она связывается [1, с.85]. Согласно лингвисту, в русском языковом сознании идея множественности, «умножения» ориентирована на следующие образы: сила; большие размеры; сила нечистая и сила благая; неупорядоченное движение; неупорядоченные массивы; массы; локальное единство; схватывание – удержание; усилие при объединении элементов во множество; утрата имеющейся бытийности; обновленная бытийность; мера, норма [1, с.85–91].

Когнитивный источник образных номинаций Н. А. Лукьянова определяет как вербализованные языковыми средствами знание, представление, различные ассоциации о некотором реальном или вымышленном, ирреальном предмете, явлении действительности, которое (или которые) явилось (явились) исходной базой для формирования представления о другом предмете, явлении этой же действительности в процессе ее познания человеком [3].

Цель статьи – на материале русского, украинского и английского языков рассмотреть наименования множественных объектов и интенсивности проявления признака, с переносным значением в частности, посредством их соотнесения с образами множественности, выделенными в работе Г. И. Берестнева; систематизировать представления о множественности в языковом сознании.

Наименования множественных объектов и интенсивности проявления признака соотносятся со следующими представлениями:

(1) **сила**: рус. *сила снегу пало, изо всех сил, всеми силами, что есть силы, во всю мочь, изо всей мочи, по (всей) силе-мочи, что есть мочи*; <...> *я также кричал во всю мочь и бежал* (Аксаков). Укр. *сила-силенна* ‘множество’, *Худоби в його сила, щосили*; англ. *power* ‘мощь, сила’ и ‘много’: *power of good* ‘много пользы’ и др. В работе Е. В. Федяевой отмечен менее ценностный статус понятия «сила» для англоязычного сознания, в отличие от русского и французского, что обусловлено такими традиционно значимыми для данной культуры тенденциями, как стремление в рациональному объяснению, основанному на фактах [5, с.76].

(2) **большие размеры**: рус. *вселенское горе; космический масштаб, обширные связи; далеко* ‘значительно’: *далекая разница; Знаю, что вы далеко упредили меня в просвещении* (Достоевский), *Материк мудрости Конфуция еще мало освоен...* (Шилин). Укр. *далеко краще, велике поширення*; англ. *mountain* ‘гора, множество’: *a mountain of food* ‘гора еды’, *a mountain of work to do* ‘гора дел’, *far better* ‘значительно (букв. далеко) лучше’, *vastly* ‘(букв. просторно) очень’, *wide* ‘широкий’: *wide knowledge* ‘обширные знания’, *all over the place* ‘всюду’ и ‘очень сильно’: *It rained all over the place* ‘Сильный дождь (дождь всюду)’. Соотносимостью представлений об интенсивности и значительном пространстве объясняем использование частицы рус. *вон*, укр. *он* для усиления количественной или качественной характеристики: <...> *дедушка-то вон какой грамотей едучий* (Максим Горький), укр. *Он як радіє!*

В исследовании А. П. Рифтина представлено зрительно-пространственное толкование количества в историческом аспекте как отражение восприятия видимого и невидимого миров в языке: множество занимает пространство, находящееся в поле зрения и одновременно выходит за его пределы, становится невидимым. С таким способом выражения множества сопоставимы высказывания *видимо-невидимо, тьма, тьма-тьмущая, необозримый, черным-черно* [4, с. 139–140]. Ср. укр.: *А народу, аж*

темно! В английском языке аналогов корреляции зрительного восприятия и значения множественности не выявлено, ср.: *тьма народу – thousands of people* (букв. тысячи).

(3а) **сила нечистая:** рус. *до черта, чертовски*; укр. *з біса (розумна), насточортити, достобіса*; англ. *devilish funny / nice / cold* ‘букв. дьявольски смешно / хорошо / холодно’, *like hell* ‘адски, очень сильно’;

(3б) **сила благая:** рус. *свято беречь, божественный* ‘необычайный, изумительный’; *небесно* ‘прекрасно’: <...> *недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поет*; *добрый* ‘значительный по величине, силе и т.п.’: *ждать добрый час*; укр. *божественний, на диво*; англ. *divine* ‘божественный’: *tasted divine* ‘смакує божественно’. Также др.-рус. *благосиліе* ‘большая сила, мощь’, *благоуговьѣжение* ‘обилие, большое количество’, *благотихый* ‘очень тихий, спокойный’; *доброхрабрый* ‘очень храбрый’.

(4) **неупорядоченные массивы:** рус. *ворох, груды, куча; столпотворение людей*. Укр. *купа (справ), навал, завал*; англ. *a heap of, a pile of* ‘куча’ и др.;

(5) **масса:** рус. *густо* ‘много’ – *у него денег густо; жирно будет ‘чрезмерно’*. Укр. *гуца (дротів, людей, подій)* – множество; *густо* ‘много’, сленг. *круто*; *І через незліченну товщу років [Ульяненко], кілограми класичної музики на телебаченні та радіо [https://zaxid.net/1981y_hroniki_nostalgii_n1050497]*. Англ. *a mass of* ‘масса, множество’, *body* ‘тело’ и ‘множество’: *in a body* ‘вместе’, *a fat lot* разг. ‘очень много’ при *fat* ‘толстый’. *I had tons of friends* ‘У меня тонны друзей’.

(6) **локальное единство.** Понятийно с данным образом коррелируют следующие разновидности метафорического наименования:

а) протяженных в пространстве объектов, мыслимых как составное целое: *череда новостей, вереница лет, батарея бутылок, галерея образов*;

б) объемных (и обширных) в пространстве объектов: *арсенал средств, созвездие талантов*;

в) разного рода емкостей (*гипотеза Дж. Лакоффа*): *бочка, ведро, воз*;

г) сложных артефактов: *банк данных, калейдоскоп огней, гнездо изб*;

д) совокупности плодов и цветов: *букет болезней, снопы искр, гроздь, венок (сонетов), соцветие талантов*;

е) совокупности животных (при именовании множества людей, вещей, абстрактных понятий): *табун женихов, стая поклонниц*.

С образом локального единства понятийно соотносятся также метонимические обозначения большого количества объектов: *весь город / университет, факультет; вся кафедра / аудитория* и т.п.

(7) **схватывание – удержание:** рус. *завязтый, безудержный; Барин шибко нездоров; Потрясающе!* ‘очень хорошо’; *неисчерпаемый* при *черпать* ‘набирать, доставать’: *неисчерпаемые ресурсы, силы; без удержу* ‘чрезмерно’: *плакать без удержу; безудержный: безудержные рыдания*;

неудержимый ‘сильный (о чувствах, желаниях)’: *неудержимый смех*. Укр. *неохопний, завзятий, цупкий, разючий*. Англ. *crowd* ‘толпа’ и ‘давить’ (др.-англ. *crūdan* ‘давить’); *exceptionally* ‘исключительно’ (при *except* ‘изымать’, лат. *excipere*: *ex-* ‘из’ + *capere* ‘брать, хватать’): *exceptionally interesting* ‘исключительно интересный’, *irrepressible* ‘безудержный’ (при *press* ‘жать, надавливать’): *irrepressible laughter* ‘неудержимый смех’; *unbearable* ‘невыносимый’ (при *bear* ‘нести’): *it was unbearably hot* ‘было невыносимо жарко’.

Просторечные фразеологизмы *без выгреба* ‘достаточно’: <...> у лошадей ваших овес будет **без выгреба**; нет отбоя ‘более, чем достаточно’: **Отбоя не было** от желающих; не огребёшься (уст.) ‘очень много’. Укр. *нема відбою* ‘слишком много домогающихся’; *як набито: в коримі [корчмі] народу як набито* (Франко); **Неохопне** бажання працювати.

(8) **усилие при объединении элементов во множество**: рус. *месиво, набор, скопление, совокупление, помешанный* перен. ‘имеющий исключительное пристрастие к кому- чему-нибудь’: *помешана на чистоте* (очень чистоплотна). Укр. *тиск* ‘группа людей, животных’: *тиск риби; збір, валка, напхом набито, напхано*; англ. *jam-packed* ‘набитый’, *web* ‘сеть’ и ‘объединять’, *bunch* ‘пучок, компания’ и ‘собирать в кучу’;

(9) **утрата имеющейся бытийности**: рус. *гибель, до смерти, позарез* ‘очень, крайне’, *убийственно (счастлив), сломя голову*; Укр. *всмерть, смертельна (нудота), до смерті, до зарізу, убиватися, до гібелі* ‘очень много’: *Казав [дід Кіндрат] у лісі птаства та звіроти до гібелі* (Хижняк). Англ. *deadly* ‘смертельный, невероятный’, *killing* ‘убийственный, чрезмерный’: *killing heat* ‘букв. убийственная жара’. Значение негативности и усиления признака объединяет лексема англ. *bad* ‘плохой’ и ‘очень сильный’: *a bad headache* ‘очень сильная головная боль’, *badly: he badly needs money* ‘ему позарез нужны деньги’.

Соотнесение значений множественности и утраты бытийности иллюстрируют фразеологические сочетания типа *мертвецки пьян* ‘сильно пьян’, *бояться до смерти* ‘очень бояться’, *уморить со смеху* ‘сильно насмешить’. Англ. разг. *dead drunk* ‘мертвецки пьян’, *to death* ‘смертельно, до смерти’: *But I see you are tired to death...* ‘Вижу, вы смертельно устали’.

(10) **обновленная бытийность**: рус. *будь здоров* разг. ‘существенно, много’ *Парни там вкалывают будь здоров*; *бава* ‘достаток’, *прибыль* ‘увеличение’. Укр. *будь здоров* ‘значительный’, *суттєвий, істотний*. В английском языке наименований, связанных с представлениями об обновленной бытийности, не выявлено.

Допускаем возможность говорить об образе бытийности как таковом, основываясь на таких наименованиях, как: *существенный* устар. ‘реально существующий’ и ‘крайне важный’; *тьма* ‘множество’, *мировой* ‘очень хороший’, *на чём свет стоит* (ругать) ‘очень сильно’; англ. *substantial* ‘материальный’ и ‘достаточный (по количеству)’: *He earned a substantial*

wage ‘Он получал приличную зарплату’. С образом бытийности соотносимы конструкции со значением интенсивности, апеллирующие к жизненным стандартам и порядкам: *как можно, как нельзя ‘очень’: как можно скорее, лучше, тише*, а также со значением несоответствия общепринятому: *несусветный ‘предельный в своем проявлении’ – несусветная жара; невероятный ‘очень большой, существенный’ – невероятное усилие, до невероятности ‘очень’: до невероятности глупый; необычайный ‘очень сильный по своему проявлению’: с необычайной суровостью, необычайно ‘очень’ – необычайно быстро; неимоверный ‘чрезмерно большой’ и др.* Укр. *сутий ‘1. сущий; 2. обильный’: Спорядили обід сугий*. В связи с образом бытийности интересно отметить следующее наблюдение Л. И. Вишни (для украинского языка): «Глагольная связка *є*, вынесенная на первое место, подчеркивает большое неопределенное количество и без квантитативной части предложения, ср.: *Воно, звичайно, всіх шуліками в Одесі не назвеш, але є їх там; <...> є у нас полонецьких слів і в розмові, і в географічних назвах*» [2, с. 115].

(11) **мера, норма:** рус. *безмерно ‘дуже’: безмерно добрый отец*. Понятно с данным образом коррелируют следующие представления:

а) *конец, предел – бесконечный ‘многочисленный’, бесконечно, до бесконечности ‘очень’: бесконечно рад*; укр. *без кінця краю*; англ. *extreme ‘чрезмерный’* (лат. *extrēmus ‘крайний’*), *limitless ‘безграничный’* (*limit ‘граница’*);

б) *верх – с верхом, через верх, по горло, по колено, по ноздри и выше* (данная мера зафиксирована только в русском языке), *по пояс, по самые локти, по самую макушку, по шею, по щиколотку, до горла, до животов уст. ‘очень сильно (замерзнуть)’; до ушей краснеть ‘очень’, возносить до небес ‘очень хвалить’, небесной красоты ‘очень красивый’*. Укр. *<...> він з верхом повернув їм і їх нащадкам у вигляді самоцвітів осетинської літератури* (Тичина), *по тім’я, по маківку* и др. Англ. *smell to heaven ‘букв. пахнет до небес’, up to one’s eyes / eyebrows ‘по очі / брови’: I’m up to my eyebrows this morning. ‘у меня дел по горло (букв. по брови)’*. Мера *по брови* является отличительной для английского языка;

в) *низ – рус. прорва, бездна, укр. прірва, англ. abyss of time ‘букв. бездна времени’, fund* (от лат. *fundus ‘дно’*);

г) *вместилище – рус. бочка, ведро перен. ‘неопределенно большое количество жидкости’; ушат ‘о большом количестве чего-нибудь неприятного, оскорбительного’: ушаты клеветы; вагон и маленькая тележка* и др.;

д) *полнота / наполненность – полная аудитория; вовсю, со всех ног; во весь дух, во всю прыть, во все лопатки* (бежать, мчатся), *во всё горло; на весь базар; на всю (полную) железку (катушку)*. Укр. *повна голова ‘дуже багато’: Роботи й клопоту повна голова; повні вуха ‘дуже багато, понад міру’, на всю губу ‘дуже багато’; на всю пельку, на повні (цілі, усі) груди, на*

всю (повну) комушку, на повне горло, *full-blast* ‘вовсю’: *She was shouting full-blast* ‘Она орала во всё горло’, *barrowful, handful, houseful, mouthful*;

(12) **удовлетворенной потребности.** Согласно Г. И. Берестневу, это слова *вдоволь* ‘много’; *доволи, довольно*. Сюда же относим конструкции: *ешь – не хочу (пей – не хочу), бей – не хочу, бери – не хочу*. Укр. *досхочу / донесхочу, вволю, скільки душа забажає*; фразеологизмы с компонентом *хоч*: *хоч купайся, хоч возом вози, хоч відбавляй*. Англ. *to one's heart's content* ‘вволю’, букв. ‘до сердечного удовлетворения’ (при возможном значении *content* ‘довольный, удовлетворённый’). Репрезентанты данного образа, по нашему мнению, совместимы с идеей наполненности в ее субъективном восприятии.

Выделенные инвариантные образы частично пересекаются с отмеченными лингвистами представлениями о множественности: вместилище, большие размеры, массивность, быстрая смена объектов, горизонтальное расположения, запутанность и др., со связью концептов Количество и Пространство. В таблице отмечены наиболее актуальные для номинации множественных объектов и интенсивности проявления признака представления.

Таблица 1

Представления, находящиеся в основе наименований множественных объектов и интенсивности проявления признака

Визуальные / физические			Мера и норма
натурфакты	артефакты	человек	
- ограниченность / неограниченность: <i>бесконечно, бездна, океан</i> ; - рельефное выделение: <i>гора, лес, море</i> ; - состояние, движение: <i>дождь, град, лавина</i> ; - зрительно-пространственное восприятие (для русского, украинского языков): <i>тьма, тьма-тьмущая; видимо-невидимо</i> .	- верх / низ артефакта: <i>с верхом</i> ; - вместилище: <i>бочка, мешок</i> ; - полнота / наполненность: <i>полным полно</i> ; - расположение, состояние, движение: <i>фонтан, букет, карусель</i> .	- верх / низ в соответствии с частями тела человека: <i>по уши, по горло</i> ; - полнота выполняемого действия: <i>во всю, со всех ног</i> .	
Ментальные			
- отношение к действительности: <i>обилие, мировой, на чем свет стоит (ругать)</i> .		- соотносительность с моральными качествами и	

- соответствие / несоответствие типичному (природному, физическому): <i>несуветный, изрядный.</i>		умственными возможностями человека: <i>немыслимо, несказанно.</i>
Чувственные		
<i>сила</i>		- ощущение себя: <i>до боли, безумно, до смерти</i>
ощущения «не от мира сего»		
сила благая: <i>свято</i>	сила нечистая: <i>до черта</i>	- соотносительность с деятельностью по объединению, хватанию, удержанию: <i>без удержу, уйма, шибко; битком; Потрясающе!</i>

Видим, что визуальные характеристики ориентированы на указание большого размера, массивности, локальное выделение объекта, динамичности. В русском, украинском и английском языках представлены наименования с переносным значением множественности, соотносящиеся с такими реалиями окружающей среды, как *море, океан, гора, куча, лес, туча, река, лавина* и др. В исследуемых языках пространственные характеристики *широкий, далекий, глубокий* используют для выражения интенсивности. Отличительным для украинского и русского языков являются наименования множественных объектов, апеллирующие к зрительному восприятию: *тьма, видимо-невидимо, черным-черно, невиданный* и др., чего не выявлено в английском. Поэтому при систематизации данную категорию представлений определяем как визуальную и физическую. К чувственным относим представления о возможностях человека и ощущение силы, их превышающей (благая и нечистая); а также понятие силы самой по себе, которое можно также классифицировать как физическое, равно и как соотносительность с деятельностью по объединению, хватанию, удержанию.

Отметим корреляцию значений ‘хороший’ и ‘многочисленный’: рус. *хороший* ‘достаточно большой по количеству, силе’: разг. *отхватил хороший куш*; англ. *generous* ‘великодушный’ и ‘обильный’: *a generous amount* ‘большое количество’, *a good deal* ‘много’ при *good* ‘добрый’, *in pretty number* ‘в большой степени’ при *pretty* ‘хорошенький’.

Таким образом, анализ наименований множественных объектов и интенсивности проявления признака посредством их соотнесения с образами множественности, выделенными в работе Г.И.Берестнева, позволяет: 1) объяснить слова и конструкции, реализующие значение ‘много’, ‘очень’ как неосновное свое значение; 2) поставить вопрос об универсальности выделенных структурных характеристик представления о множественности с

целью выявления общего и этноспецифического в представлении о множественности как составляющей категории КОЛИЧЕСТВА, что является перспективой дальнейших исследований на материале большего количества языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берестнев Г. И. Образы множественности и образ множественности в русском языковом сознании / Г. И. Берестнев. – Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 83–99.
2. Вишня Л. І. Про кількісний компонент у генітивно-квантитативних реченнях розмовного мовлення / Л. І. Вишня // Матеріали міжвузівського лінгвістичного семінару. – Донецьк, ДонДУ: Горловская гор. типографія Донецького облуправління печаті, 1970. – С. 109–118.
3. Лукьянова Н.А. Когнитивные источники образных слов русского языка / Н. А. Лукьянова // Русистика: Междунар. сб. науч. тр. – Киев, 2008. – № 8. – Режим доступа: <http://uapryal.com.ua/scientific-section/kognitivnyie-istochniki-obraznyih-slov-russkogo-yazyika/>
4. Рифтин А. П. Категории видимого и невидимого мира в языке / А. П. Рифтин // Уч. записки ЛГУ. Серия филол. н. – Л., 1946. – Вып. 10. – № 69. – С. 136–152.
5. Федяева Е. В. К вопросу об образных конститuentах множественности / Е. В. Федяева // Филология и человек. Научный журнал. – Барнаул, 2013 : Издательство Алтайского государственного университета. – №4. – С. 67–77.

E. A. Titarenko

THE SYSTEMATIZATION OF CONCEPTIONS, WHICH ARE BASED ON THE MULTIPLE OBJECTS AND THE INTENSITY NAMES

The paper deals with the analysis of the images of plurality, defined by G.I.Berestnev for the Russian linguistic consciousness. The multiple objects and intensity names in the Russian, Ukrainian and English languages are classified according these images. We systematize the concepts of plurality as visual (physical), mental and sensory ones and reveal common and distinctive features of semantics ‘many’, ‘very’ realization in the languages under investigation.

Key words: *nomination, plurality, invariant image, semantics.*

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ИРОНИИ В ПРОПОЗИЦИЯХ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ И ТОЖДЕСТВА

В статье проводится анализ языковых средств, ведущих к формированию комического эффекта, в пропозициях характеристики и тождества. Описывается процесс возникновения синкретичных пропозиций, выявляются причины таких трансформаций. Актуальность темы обусловлена необходимостью исследования различных механизмов создания иронии, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта.

Ключевые слова: пропозиция, ирония, характеристика, тождество, подобие.

Логико-семантический подход в освещении семантики предложения, разработанный Н.Д. Арутюновой, отражает динамический аспект формирования пропозиции с учетом возможных соотношений предмета, понятия и имени – вершин «семантического треугольника». В качестве основных в рамках названного лингвистического направления языковед выделяет отношения экзистенции, соединяющие концепт и объект, отношения характеристики, направленные от объекта к признакам, составляющим понятие, отношения идентификации, обращенные на один и тот же объект.

Т.В. Шмелева [24], развивая представленную выше типологию, предлагает противопоставлять событийные пропозиции (С-пропозиций) логическим (Л-пропозиций). С-пропозиции «портретируют» действительность – происходящие в них события с их участниками. Л-пропозиции представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях. Система С-пропозиций включает в себя пять разновидностей: 1) существование, или бытийная пропозиция; 2) состояние; 3) движение; 4) восприятие и его объект; 5) действия. В Л-пропозиции входят пропозиции, описывающие один объект, а также пропозиции, более сложные в структурном плане, описывающие отношения между двумя и более объектами. К первой группе относятся характеристика и отождествление, или идентификация; ко второй – соединение, сопоставление, подобие, противительность, разделительность, каузация.

Названные выше виды отношений, с одной стороны, непосредственно связаны со способами мышления о мире, а с другой стороны, отражают грамматический строй языка, что находит выражение в особых логико-

синтаксических структурах, которые объединяются в логико-семантические типы предложений (ЛСТ). Каждый ЛСТ характеризуется определенным набором семантических компонентов, однако не все они являются обязательными: некоторые составляющие могут быть сдвинуты в контекст или вообще не быть выражены. Учитывая тему нашего исследования, отметим сразу, что соответствующие ЛСТ могут обходиться без упоминания объекта характеристики и идентификации (при этом может также опускаться глагольный компонент). Кроме того, в комическом контексте передача и декодирование Л-пропозиций невозможна без авторской интерпретации и/либо опоры на фоновые знания индивида.

Чаще всего в лингвистических исследованиях отражается мысль о тесной взаимосвязи бытийных и характеризующих пропозиций (О.А. Филимонова [20], В.Т. Чаирова [21] и др.), однако мы выявили, что в процессе создания комического эффекта (в частности формирование иронии) игра идет на синтезе или взаимодополнении характеристики и идентификации, синкретизме характеристики и подобия, в основе названных контаминированных пропозиций лежат процессы, сходные с явлением энантиосемии. Всё это обусловлено спецификой иронического текста, когда «единицы хорошо знакомого языка получают необычную интерпретацию, а хорошо знакомые ситуации подводятся под несколько неожиданные категории» [22, с. 123]. Иронический текст, как отмечает Г.В. Орлова, «выполняет определенные функции. Прежде всего, это функция универсального компенсатора-скептика, противостоящего всякой догматичности, не признающего никаких абсолютистских мировоззренческих постулатов. Другой функцией иронии можно назвать разрушение ценностей...» [14, с. 5].

Рассмотрим, как происходит формирование иронии в пропозициях идентификации и характеристики в комических контекстах, извлеченных нами в ходе сплошной выборки из произведений С. Довлатова, М. Веллера, Ю. Полякова, В. Войновича, но вначале сделаем еще некоторые теоретические замечания.

Как известно, «Логико-синтаксическая типология предложений основывается на теории референции, где выделяют имя (N), денотат (D), сигнификат (S) и референт (R). Денотат – типовой предмет, сигнификат – понятие о предмете, референт – актуализированный в речи денотат. Референция – отношение знака к обозначаемому. Она бывает конкретной: *Этот дуб посажен в прошлом веке* и понятийной: *Это дерево – дуб*» [23, с. 176]. Эти базовые понятия отражаются при описании всех пропозиций. Остановимся на характеристике и тождестве.

Пропозиция характеристики отражает приписывание предмету или факту некоторого признака, который включает его в ряд подобных (предметов, абстрактных сущностей ситуаций) или интерпретируется, описывается и оценивается субъектом, производящим характеристику.

Таким образом, пропозиция характеристики одноактантна: в ней есть объект характеристики и приписываемый ему признак. «D – *Сосна – дерево смолистое* (С.Аксаков). R – *Пьер был неуклюж* (Л.Толстой). S – *Концепт – новое понятие в лингвистике*. N – *Александр – греческое имя*» [23, с. 176]. Характеризация может быть представлена в предложении в чистом виде, но может и синтезироваться с другими видами пропозиций, например, статальным.

По типу приписываемых признаков выделяются три вида пропозиций характеристики. «*Анкетная*» *характеризация* – сообщение о некоторых признаках объекта из присущего ему набора. В *таксономической пропозиции* приводится указание на принадлежность объекта тому или иному классу. *Качественная характеризация* выделяет некоторые особые признаки объекта, осмысляемые как его качество.

Пропозиция отождествления, или идентификации, предполагает операции с двумя и более признаками одного предмета, объекта. «D – *Багровый – это темно-красный*. В случае же *Темно-красный – это багровый* можно увидеть номинацию, а *Баобаб – дерево* – характеризацию. R – *Этот металл – литий*; S – *Высказывание – это актуализированное предложение*. N – *Юпитер – это Зевс...* Смешанным тождественно-характеризующим является предложение *Петя – брат Сережи*» [23, с. 176]. Таким образом, отношения идентичности устанавливаются между именами 1) по их отношению к денотату, 2) денотатами имен, 3) именами по их отношению к сигнификату, 4) сигнификатами имен. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «идентифицирующими могут быть случайные, временные и даже не характерные для данного лица или предмета признаки. К ним предъявляется лишь требование выделительности, отличия от сопричастующих объектов одного класса с данным» [1, с. 288].

Н.Д. Арутюнова [1] разработала типологию ситуаций идентификации: ситуация детективного поиска; ситуация перехода от знания к знакомству, от заочного знакомства к очному в разных вариантах; ситуация «воплощенной мечты»; ситуация узнавания; ситуация идентификации личности. Т.А. Бородина [2] дополняет это список ситуаций следующими: рефлексия как ситуация опознания личностью собственных качеств и проявления самоидентификаций; ситуация идентификации как процесса отождествления личностью себя с каким-либо объектом. На наш взгляд, данная типология представляет собой открытый ряд, в основе которого лежит многообразие пропозиций, предопределенное эмпирическим опытом человека. Поэтому все названные выше ситуации идентификации могут составлять содержание высказывания.

Важным моментом является разграничение тождества и подобия. Н.Д. Арутюнова отмечала, что «Отношения подобия субъективны, градуированы (динамичны), могут быть как константными, так и преходящими, могут соединять имена с разнотипной референцией, асимметричны, могут

создавать образные представления, открывают зависимые синтаксические позиции, замещаемые признаковыми словами. Из этого сопоставления видно, что отношения подобия более экстенсивны: они допускают альтернирование ряда черт. Отношения же тождества более жестко детерминированы» [2, с. 16]. Лингвист называет формулой тождества – *тот, который*, формулой подобия – *такой, какой*, контаминация тождества и подобия происходит в формуле *тот, какой*.

В комическом контексте игра на тождестве и подобие активно используется: конструкции, построенные по модели тождества, по семантике часто относятся к уподобительным. Такой процесс возможен в связи с тем, что «Отношения тождества, не престапующие категориальных границ, не создают образных представлений. Уподобление может нарушать границы естественных родов, но оно обычно придерживается границ общности, указывая на те признаки, которые послужили основанием сравнения» [2, с. 16].

Как мы могли убедиться, в пропозициях характеристики и тождества в аномальных контекстуальных условиях формирование иронии базируется на метафорическом переосмыслении понятий, при этом субъекты или объекты, получающие ту или иную квалификацию, рассматриваются уже не в рамках тех тематических и лексико-семантических групп, к которым они относятся изначально, и даже иногда меняют отнесенность к определенному лексико-семантическому полю. Трансформации пропозиций отождествления, изменение их на отношения подобия и синтез с пропозициями характеристики в некотором смысле предопределены самой природой идентификации. «Высказывание, ... сообщающее о тождестве объекта А объекту В, является само по себе парадоксальным» [4, с. 497]. Л. Витгенштейн в свое время сделал следующее замечание по этому поводу: «Сказать о двух предметах, что они тождественны, бессмысленно, а сказать об одном предмете, что он тождественен самому себе, – значит ничего не сказать» [8, с. 15]. И в комическом контексте в ходе формирования иронии, как мы могли убедиться, в полной мере реализуется эта парадоксальная природа идентификации.

Рассмотрим названные выше изменения подробнее.

Характеризация может строиться на логически несовместимых понятиях: *Стала перебирать знакомых мужа. Тоже интересные люди. Экономисты. Калинин, например, утверждает, что безработица – стимул прогресса. А то все знают, что их не уволят. А если и уволят, то не беда. Перейдет через дорогу и устроится на соседний завод. То есть можно прогуливать, злоупотреблять... Калинин вряд ли подойдет. Уж слишком прогрессивный...* [10, т. 1, с. 309] Кроме того, может давать характеристики через выделение определенных составляющих названного целого: *А Меркин тот вообще. Его спрашивают, что может резко поднять нашу экономику? Отвечает – война. Война, и только война. Война – это дисциплина, подъем*

сознательности. Война любые недостатки спишет... [10, т. 1, с. 309]. Так, *безработица* ('состояние общества, при котором работоспособная часть населения не обеспечена работой' [25]), собственно, как и война, не может влиять на прогресс, поскольку экономические стимулы связаны с дополнительными выгодами (денежный доход, свободное время, позволяющее заработать в другом месте), которые люди получают в результате выполнения предъявляемых им требований.

Таксономическая характеристика (*художник* – 'человек, создающий произведения изобразительного искусства (живописец, график, скульптор)' [12, т. 4, с. 630]) может меняться на качественную (*подлец* – 'подлый человек, негодяй; вообще тот, кто ведет себя подло' [17, т. 1, с. 119]). Однако такая перемена, на наш взгляд, тоже неоднозначна. Качественная пропозиция уподобляется таксономической, способствует этому активизация пресуппозициональной характеристики – всем известен концепт образа жизни людей богемы, их склонность к непостоянству и нарушениям общественно принятых норм жизни:

– *Как вы сюда попали? Ну, в эту компанию?*

– *Через бывшего мужа.*

– *Он что, художник?*

– *Не совсем... Подлецом оказался* [10, т. 2, с. 258].

Качественная характеристика может синтезировать в себе либо акциональность (1 и 3), либо статальность (2): (1) *Наш любимый вид спорта – плавание по течению*. (2) *Вид искусства – пение жалоб*. (3) *Вид работы – околачивание груши* [6, с. 172]. Как видим, это происходит за счет предикатного употребления идиом, в которых происходит синкретизм лексического и фразеологического значений: *плавание* – 'вид водного спорта – заплывы на разные дистанции одним из способов (брассом, кролем, баттерфляем или на спине)' [25] и *плавание по течению* (трансформ *плыть по течению* – 'поступать, не проявляя самостоятельности, пассивно подчиняясь обстоятельствам, условиям, господствующим взглядам и т.п.' [18, с. 199]), *пение* – 'искусство исполнения музыки голосом; само такое исполнение' [25], *пение жалоб* (видимо, подразумевается трансформация идиомы *петь лазаря* – 'прикидываясь несчастным, стараясь разжалобить, плакаться, жаловаться на свою судьбу, участь' [13, с. 319]); *околачивать* – 'обивать, сбивать долой' [25] и *груши околачивать* – 'бездельничать' [19, с. 125].

Пропозиции качественной характеристики (предложения 1 и 2) могут синтезироваться с семантикой уподобления, что приводит к редукции первой: *Читаешь роман – какой-то производственный доклад*. (2) *Читаешь доклад – какой-то фантастический роман*. (3) *Не говоря уже о жалобной книге – просто какое-то полное собрание трагедий Шекспира* [7, с. 267]. В (3) наблюдается синкретизм характеристики и подобия через развернутое метафорическое высказывание. Соединение подобия и качественной

характеризации наблюдается в следующей игре: *Митинг – это такое мероприятие, когда собирается много народу и одни говорят то, что не думают, а другие думают то, что не говорят* [9, с. 123].

Использование парцелляции и метафоризированной фигуры интертекста (парафраз – *танк, который гуляет сам по себе* – относит нас к произведению Р. Киплинга «Кошка, которая гуляла сама по себе») тоже может привести к синкретизму характеристики и подобия: *Меня посетила знакомая. Знакомая – это неполная характеристика; неточная. Это был танк, который гуляет сам по себе* [5, с. 34].

Анкетная характеристика может подменяться пропозицией тождества и далее стальной:

– *Родители ваши кто?*

– *Так ведь люди, – ответил он, не понимая сути вопроса.*

– *Я понимаю, что не коровы. Чем занимаются?*

– *В гробе лежат.*

– *То есть умерли?*

Чонкин посмотрел на лейтенанта удивленно: что он, лук ел или так одурел?

– *Неужто живые? – сказал он и сделал гримасу, выражающую крайнюю степень недоумения* [9, с. 295 – 296].

Несмотря на формальное строение (соответствие тождеству – *та, которая*), в приведенном ниже предложении присутствуют и отношения качественной характеристики: *Не мне вам говорить, что нам нужна не всякая правда, а только та, которая нам нужна* [9, с. 509].

Нарушение семантической однородности (актуализация противоположных оценочных компонентов значения слов) переводит приведенное ниже номинативное тождество в разряд денотативных в ситуации идентификации личности: Идентификация синтезируется с качественной характеристикой: *Известно, что порядочный человек тот, кто делает гадости без удовольствия...* [10, т. 1, с. 408]. Лексическое значение слова *порядочный* ('честный, не способный на низкие поступки' [12, т. 3, с. 311]), как видим, содержит в себе противоположную характеристику той, которую приводит автор произведения. Развитие такой контекстуальной энантиосемии лексемы – результат построения денотативного тождества.

В основе идентификации могут быть аномально представленны отношения партитивности: *В общем, с эстонским либерализмом было покончено. Лучшая часть народа – двое молодых ученых – скрылись в подполье* [10, т. 1, с. 418]. Это приводит к ироничному преуменьшению: *лучшая часть народа* включает только *двух молодых ученых*.

Аномальное номинативное тождество может быть обусловлено влиянием скрытой категории *контролируемости/неконтролируемости*: любое чувство (в контексте – *чувство справедливости*) неподвластно

контролю, не является намеренно создаваемым продуктом для продажи и поэтому не может быть платным:

– А вы помните, что говорил о диссидентах Сен-Жон Перс?

– А что он и о них говорил?

– Конечно! Он сказал: **диссидент – это человек с платным чувством справедливости** [15, с. 280].

Негирующая идентификация преобразуется в пропозицию качественной характеристики, что основано на создании ложной кореферентности (*профессия = разновидность нищеты*), при этом понятие исключается из одного класса (социальный – профессия) и включается в другой, экономический (нищета):

– ... где же вы до этого самореализовывались?

– По-разному... Учителем, например, был.

– Учитель – это не профессия.

– А что же?

– Разновидность нищеты [15, с. 46].

Часто такие высказывания имеют вид дефиниции: Он (Сен-Жон Перс – пояснено нами, М.Ш.) говорил: *искусство – это безумие, запертое в золотую клетку замысла!* [15, с. 139]; *Аристотель говорил: философия – дочь изумления. А Сен-Жон Перс добавлял, что искусство – дочь потрясения. Нам с вами надо потрястись* [15, с. 209]; *Правда, как сказал Сен-Жон Перс, – продукт скоропортящийся и длительному хранению не подлежит!* [16, с. 62]. Как можно было отметить, в приведенных выше контекстах ложная идентификация строится на соотношении понятий разных тематических групп: сфера искусства заменяется на медицинскую сферу, либо, как и философия (сфера науки), на сферу эмоций. Полученное в ходе этой мыслительной операции тождество основано на индивидуальном восприятии и специфической оценке понятий. Таким образом, наблюдается асимметрия в описании предметов, что характерно для отношений сходства, которые, собственно и имеют место быть в проанализированных примерах.

Проведенный анализ взаимодействия пропозиций тождества и характеристики позволяет сделать вывод о том, что первый вид «положения дел» часто является ложным, поскольку в ходе создания иронии эксплуатируется не идентичность, а подобие объектов. Следуя цели создания комического эффекта, характеристика часто синтезируется с другими видами пропозиций (статальной, акциональной, идентификации), при этом на первый план выступает семантическая неоднородность сопоставляемых понятий, что приводит к актуализации определенной аксиологической составляющей, заданной автором художественного произведения. Языковые средства, используемые для этой роли в разных типах пропозиций, могут составить перспективу начатой исследовательской работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. - I -XV, 896 с.
3. Бородина Т.А. Идентифицирующее высказывание: когнитивный, семантико-структурный и функциональный аспекты (на материале немецких художественных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008. – 22 с.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 437–477.
5. Веллер М. Долина идолов. – М.: Изд-во АСТ, 2006. – 544 с.
6. Веллер М. Легенды Невского проспекта. – М.: Изд-во АСТ, 2007. – 416 с.
7. Веллер М. Разбиватель сердец. – М.: Изд-во АСТ, 2006. – 384 с.
8. Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
9. Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. Книга I. Лицо неприкосновенное. Книга II. Претендент на престол. – М.: Эксмо, 2008. – 608 с.
10. Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука-классика, 2005.
11. Иванова Е.Ю. Логико-семантические типы предложений. Неполные речевые реализации (В русском и болгарском языках): дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2003. – 295 с.
12. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.
13. Молотков – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1968. – 543 с.
14. Орлова Г.В. Средства формирования иронической модальности в современном публицистическом дискурсе (жанр обозрение): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 27 с.
15. Поляков Ю. Гипсовый трубач, или Конец фильма. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 381 с.
16. Поляков Ю. Гипсовый трубач: дубль два. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 488 с.
17. РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998 – .
18. Тихонов – Фразеологический словарь русского языка / А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. – 334 с.

19. Федосов, Лапицкий – Фразеологический словарь русского языка / И.В. Федосов, А.Н. Лапицкий. – М.: ЮНВЕС, 2003. – 608 с.
20. Филимонова О.А. Бытийная и характеризующая пропозиции в смысловой организации художественного текста (на материале перевода и оригинала романа Дж. Д. Сэлинджера "Над пропастью во ржи"): дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2007. – 168 с.
21. Чаирова В.Т. Русские бытийные предложения и их эквиваленты в сфере предложений характеристики: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Москва, 1991.- 20 с.
22. Чуич Н.Н. Парадоксы интерпретации «иронического текста» // Понимание и интерпретация текста. – Тверь: ТГУ, 1994. – С. 123-129.
23. Шестак Л.А. Партитурное описание простого предложения: схема разбора // Филология и культура. – 2015. – №4(42). – С. 174-179.
24. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1988. – 54 с.
25. www.slovari.ru – Русские словари: словари и справочники, подготовленные в Институте русского языка им. В.В. Виноградова.

M. F. Shatskaya

LINGUISTIC MEANS OF FORMATION OF IRONY IN THE CHARACTERIZATION OF PROPOSITIONS AND IDENTITIES

The article analyzes the linguistic means leading to the formation of a comic effect in the propositions of characterization and identity. The process of occurrence of syncretic propositions is described, and the reasons for such transformations are revealed. The relevance of the topic is due to the need to study various mechanisms for creating irony, which will allow you to get deeper into the nature of the comic effect.

Key words: *proposition, irony, characterization, identity, similarity.*

Словообразование и грамматика

УДК 811.161.1 + 81'373.6

Л.В. Соснина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ

В данной статье рассматриваются особенности вхождения имен прилагательных в словообразовательное гнездо. Они анализируются с позиций ономаσιологического и лингвокогнитивного подхода с применением концептуальной методики изучения номинативных единиц. Представители когнитивной лингвистики настаивают на методе фреймовой организации. Ономаσιологическая теория предлагает соотносить прилагательные-компози́ты со словообразовательным гнездом по главному слову производящего словосочетания.

Ключевые слова: соматизм, словообразовательное гнездо, ономаσιология, когнитивный подход, фрейм, деривация

В современной лингвистике словообразовательное гнездо трактуется как одна из самых сложных комплексных единиц словообразовательной системы и как одна из высших форм организации обобщения производной лексики. Вопросами изучения и классификации СГ занимались Е.А. Земская, П.А. Соболева, А.Н. Тихонов, И.С. Улуханов, И.А. Ширшов, М.Ю. Казак, В.Г. Фатхутдинова. **Актуальность** нашего исследования определяется существованием множества научных концепций, которые позволяют классифицировать словообразовательные гнезда с учетом их структурных особенностей. Мы ставим перед собой **цель** рассмотреть разные языковые подходы к изучению вхождения имен прилагательных в крупные структурные образования и определить место компози́тов в словообразовательном гнезде.

В.М. Никитевич полагает, что «индивидуальность словообразовательного гнезда обусловлена многими и известными причинами: общей и конкретной семантикой исходного слова (лексической морфемы), морфонологическими свойствами его финали, исторически неодинаковыми вспышками и затуханиями продуктивности разных моделей, по-видимому, и общей тенденцией к аналитизму, а также внелингвистическими факторами» [7, с. 14].

В.Г. Фатхутдинова, вслед за В.М. Никитевичем, указывает на то, что

«ни одно словообразовательное гнездо в русском языке не повторяет другого ни в семантическом, ни в структурном отношении», поскольку «каждое производное слово, входящее в словообразовательное гнездо, обладает уникальным лексическим значением», из чего следует, что «все комплексные единицы ... также уникальны и неповторимы» [9, с. 24].

По мнению А.В. Гридасовой, словообразовательное гнездо представляет собой «системную организацию однокоренных слов, отражая характерное свойство русского непроизводного слова (корня) свободно соединяться с аффиксами и по мере удаления от исходного мотивирующего слова разворачиваться в формальном отношении, присоединяя к основе все новые и новые аффиксы» [3, с. 221]. Согласимся с тем, что появление в русском языке нового слова «почти неизбежно влечет за собой появление СГ», сформированного регулярными моделями для каждого определенного класса слов [там же, с. 223].

С точки зрения когнитивной науки словообразование трактуется как система, образуемая «совокупностью производных лексических единиц» и состоящая из «ряда подсистем, которые выражены комплексными единицами, реализующими парадигматические отношения» [1, с. 10]. Выбор словообразовательного гнезда в качестве некой организующей единицы обусловлен двумя причинами, во-первых, данная комплексная единица соответствует естественным классификациям и дает возможность проследить переходы от исходного слова к производному; во-вторых, СГ дает возможность «обнаружить главные типы языковых отношений в сжатом виде» [там же, с. 11].

В последнее десятилетие внимание ученых-когнитологов обращено к словообразовательным гнездам, которые признаются «комплексными единицами, способными отражать действительность через взаимодействующие мотивировочные признаки, и таким образом, выявлять когнитивную природу и механизмы словообразования» [4, с. 6]. Интересно отметить, что интенсивность исследований и разнообразие подходов к решению данной проблемы М.Ю. Казак оценивает как «гнездовой бум» [6, с. 3]. Современная теория концептуализации в рамках когнитивного направления трактует лексико-словообразовательное гнездо как «высшую форму организации однокоренной производной лексики, как целостный организм, в котором все компоненты взаимосвязаны» [5, с. 41], при этом СГ обладает ярким прогнозирующим свойством, позволяющим выявить его деривационный потенциал. Говоря об организующей и системообразующей роли словообразовательного гнезда, Л.А. Абросимова рассматривает его как «иерархическое объединение производной лексики, которое наделено внутрисловными и межсловными структурными и семантическими отношениями и дает их наиболее полную картину» [1, с. 10]. По мнению М.Ю. Казака, СГ – одна из самых сложных и многогранных комплексных единиц словообразовательной подсистемы; двусторонняя единица

словообразования, имеющая формальную и смысловую структуру; одна из высших форм организации и обобщения производной лексики; классификационная единица, наиболее приближающаяся к естественным классификациям; микросистема, концентрированно отражающая все основные виды языковых отношений [6, с. 14].

Поскольку значительную часть нашего исследования составляют именно соматизмы и их производные, считаем необходимым обратиться к рассмотрению разных языковых подходов к заявленной проблеме. Нам представляются интересными работы И.В. Евсеевой, посвященные рассмотрению фреймовой организации дериватов, образованных от соматизмов, данное исследование считаем весьма перспективным и для анализа сложных адъективов. Соматическая лексика отражает «знание носителей языка о себе, о частях своего тела и о других телесных объектах, а также об окружающем мире» [5, с. 35]. Так, концепт *сердце* имеет несколько лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ), продуцирующих разное количество дериватов. Заложенные в базовом слове потенции формируют специфичные ситуации – слоты, сформированные пропозициональными схемами (ПС) и пропозициями (П). Полагаем, что интересующие нас прилагательные – композиты (преимущественно квазикомпозиты) имеют такое местоположение: слот «качество»: ПС - «признак – предикат – качество», П «признак, характеризующий качество человека» - *жестокосердый, твердосердый, сухосердый, чистосердый, чистосердечный, добросердечный, мягкосердечный, мягкосердый, простосердечный*: *Зато раза три добросердечный Костик шепотом ронял п ару фраз — вообще, про обстановку* (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Из этойто мужицкой новизны вышло все то новое, что обнаруживалось впо следствии в новизнах немужицких; отсюда вышли на свет и непрактическая акушерка, и непрактический студент, и ожесточенный ненавистник живы х людей, и такие либеральные страдальцы, как мягкосердый Иван Иванович (Г. И. Успенский. Малые ребята (1880); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); слот «функционирование»: ПС «признак – предикат – объект», П «признак, связанный с воздействием на признак эмоций» - *сердцещипательный, сердцекрепительный*; слот «форма»: ПС - «признак – предикат – объект», П «признак, названный по символической форме объекта» - *сердцевидный, сердцеобразный, сердцелистный, обратосердцевидный*, например: *Зритель, думал я, скажет: экий нехитрый сердцещипательный выход* (Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960-2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Орех сердцевидный — родом из Японии* (Н. Замятина. Растёт в саду ланкастерский орех // «Наука и жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Современные лингвисты настаивают на том, что самое большое множество по числу дериватов в ЛСГ «рука» образуют слова, характеризующие человека в связи с его руками: *большерукий, голорукий, двурукий, длиннорукий, долгорукий, короткорукий, косорукий, многорукий, однорукий, сухорукий, тонкорукий*, а также прилагательные, характеризующие человека по его действию руками: *голорукий* (с пустыми руками), *короткорукий, криворукий, косорукий* (все в значении неуклюжий, неловкий): *Конечно, он узнает про себя много нового, какой он косорукий и безголовый, точно определится место, откуда у него растут руки* (Галина Щербакова. У ног лежащих женщин (1995); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

А.Р. Попова, указывая на высокий словообразовательный потенциал лексемы *рука*, полагает, что данная единица в современном русском языке «находится в активной фазе своего жизненного цикла» [8, с. 129]. Являясь вершиной словообразовательного гнезда и будучи полисемантом, рука имеет несколько значений. Первое, основное, соматическое значение слова «рука» - верхняя конечность человека, породило, по мнению ученого, 578 единиц лексического уровня, что составляет 52,5% - более половины всего словообразовательного гнезда. Самые распространенные ассоциации человека с понятием «рука» - трудовая деятельность и власть (символ власти, владычества), они обладают значительной словообразовательной активностью и участвуют в создании 56 деривационных единиц. Согласимся с А.Р. Поповой, что «самым существенным фактором, объясняющим наличие значительных словообразовательных возможностей у ЛСВ рука, оказывается его общеизвестность, актуальность, принадлежность литературному языку», вот почему «совокупность единиц, составляющих СГ с вершиной-полисемантом рука, в лексико-семантической системе занимает значительное место и играет заметную роль» [там же, с. 131]. Ученый приходит к выводу о том, что «в словообразовательном гнезде с вершиной рука активно реализуются парадигматические отношения: синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические, но для однокоренных лексем такие отношения возможны лишь в пределах одного частного СГ (достаточно богатого и разветвленного), восходящего к определенному ЛСВ полисеманта рука» [там же, с. 132].

Напомним, что мы придерживаемся иного подхода в описании имен прилагательных с учетом основных положений теории композитостроения. Так, для прилагательного *длиннорукий* существует базовая структурная модель **предл + Прил5мн + Сущ5мн** (*с длинными руками*), которая универбализуется по схеме **оснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + парПрил**, композит существует в пределах ономаσιологического класса *физический признак человека, руки* относим к ономаσιологическому базису *орган*, а *длинные* реализует ономаσιологический признак *размер*: *Высокий, нескладный, с длинными руками и ногами, он чем-то напоминал*

марионетку, которая ожила (http://samlib.ru/w/werbena/a_mar1.shtml); *Саша Иншаков – такой молчаливый, длиннорукий, с длинными волосами – покорила абсолютно всех своей сдержанностью, невероятным умением все делать тихо, спокойно и очень надежно* (Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru).

Весьма любопытным показалось нам исследование М.С. Ачаевой, которая занимается межъязыковым анализом лексического состава словообразовательных гнезд разносистемных языков. По мнению ученого, такой подход позволяет «решить общие вопросы номинации, особенности формирования лексических систем в этих языках» [2, с. 173]. Вслед за В.Г. Фатхутдиновой мы считаем, что данное направление «позволяет рассматривать словообразовательные гнезда как совокупности номинативных единиц и выявлять их межъязыковую номинативную эквивалентность, которая предполагает как идентификацию понятийного содержания дериватов, так и сравнение языковых средств и способов его выражения» [9, с. 6]. М.С. Ачаева исследует словообразовательное гнездо, вершиной которого является прилагательное *высокий*, причем рассматривает данное явление сразу в двух языках – русском и английском. Ученый заявляет о том, что в данном гнезде довольно просторную зону занимают русские сложнопроизводные прилагательные и предлагает определять их принадлежность к различным лексико-семантическим группам. Так, *высокий* – **большой, значительный по количеству, силе: высокоавтоматизированный, высокоамперный, высоковольтный, высоконапорный; высокий – очень хороший по качеству: высококачественный, высоконадежный, высокопробный, высокосортный, высокоурожайный, высокоэффективный.**

Вместе с тем автор выделяет «большую группу сложных прилагательных, характеризующих лицо с точки зрения его моральной оценки, положительных или отрицательных качеств» [2, с. 174]. Сюда относятся прилагательные *высокоавторитетный, высокоинтеллектуальный, высокоинтеллигентный, высококомпетентный, высококультурный, высокоодаренный, высокопочитаемый, высокородный*. Отметим, что в нашем исследовании мы разграничиваем указанные прилагательные с компонентом *высокий* с учетом основных принципов композитологии и выделяем три типа композитов – универбализационные композиты, деривационные композиты и единицы квазикомпозитостроения.

Словообразовательное гнездо трактуется современными лингвистами как упорядоченное отношениями производности структурно-семантическое целое, в котором смысловые отношения между словами представлены на фоне их структурных связей, а семантический и деривационный аспекты тесно связаны. Каждое словообразовательное гнездо является уникальным благодаря уникальности лексического значения каждого производного слова, входящего в его состав. Существует несколько

научных подходов к вхождению имен прилагательных в СТ, с точки зрения когнитивной лингвистики ведущим считается метод фреймовой организации. Опираясь на ономаσιологический аспект, мы предлагаем считать наиболее обоснованной теорию о соотношенности прилагательных-композитов со словообразовательным гнездом по главному слову производящего словосочетания. Это позволяет проследить мотивационные отношения между базовым сочетанием и образованным на его базе композитом. Перспективы нашего исследования видятся нам в применении метода фреймовой организации к изучению деривационных отношений прилагательных-композитов, в состав которых включены различные полисеманты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимова Л.С. Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования / Л.С. Абросимова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014. - Вып.2. – С. 7-14

2. Ачаева М.С. Словообразовательная и семантическая структура отадъективных дериватов в русском и английском языках (на материале словообразовательного гнезда с вершиной «высокий») / М.С.Ачаева // Вестник КГУ им. Н.А.Некрасова, 2014. – Лингвистика. -№1. – С. 173-176.

3. Гридасова А.В. Словообразовательное гнездо как системно-категориальная организация однокоренных слов / А.В. Гридасова// Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки, 2011. - №1. – С. 220-225.

4. Евсеева И.В. Комплексные единицы русского словообразования: Когнитивный подход / И.В. Евсеева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 312 с.

5. Евсеева И.В. Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной именем соматического объекта: фреймовое устройство /И.В. Евсеева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. - Вып. № 1 (22). – С. 33-41.

6. Казак М.Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование, квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование /М.Ю. Казак // Автореф. диссер.д-ра филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2004. – 39 с.

7. Никитевич В.М. О глубинной структуре деривационного ряда/ В.М. Никитевич // Актуальные проблемы русского словообразования: матер. науч. конф. – Ташкент, 1976. – С. 12-16.

8. Попова А.Р. Реализация словообразовательного и фразеобразовательного потенциала лексической единицы русского языка /

А.Р. Попова // Ученые записки Орловского госуд. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - Вып.№3. - Орел, 2006. – С. 128-133.

9. Фатхутдинова В.Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках / В.Г. Фатхутдинова // Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. – 250 с.

L.V. Sosnina

STUDYING OF ADJECTIVES PLACE IN THE WORD-FORMING FAMILY

This article discusses the features of the adjectives occurrence in the word-forming family. They are analyzed from the positions of onomasiological and linguistic-cognitive approaches to nominative items studying. Representatives of cognitive linguistics insist on the method of frame organization. Onomasiological theory suggests that adjectives composites attachment to a particular word-forming family is determined by the main word of generating word-combination.

Key words: somatism, word-forming family, onomasiology, cognitive approach, frame, derivation.

УДК 81'373.611

В.А. Рязанова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол. н., проф. В.И. Теркулов)

ИДИОМАТИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ СЛОВ

В статье рассматриваются случаи идиоматичности некоторых аббревиатур и композитных слов, исследованных при работе над «Толковым словарём сложносокращённых слов русского языка». В работе приводятся контекстуально обоснованные толкования сокращений, сформулированные составителями «Словаря».

Ключевые слова: сложносокращённое слово, дешифровальный стимул, интерпретация, идиоматичность, эквивалентный текст.

Традиционный подход к описанию аббревиации направлен на рассмотрение мотивационных отношений между сокращением и его синтаксическим источником, что неизбежно приводит к пониманию этих языковых единиц как противопоставленных компонентов аббревиатурной пары. Словообразовательные процессы сводятся к трансформации расчленённого наименования в нерасчленённую единицу (словосочетание *архитектурная выставка* трансформируется в слово *архвыставка*).

Синхронно-эквивалентностный подход к описанию сокращённых единиц показал, что в действительности во взаимодействие со сложным словом вступает не единственное словосочетание-источник, а целая совокупность эквивалентных расчленённых единиц. Эквивалентность предполагает возможность словосочетания заменять сложное слово в контексте, смысл которого после замены остаётся тождественным. Такие словосочетания обозначаются термином **синтаксический эквивалент**. Согласно данному подходу, для сложного слова *авторегистратор* насчитывается 20 синтаксических эквивалентов, регулярно используемых в эквивалентных текстах и отвечающих формально-семантической структуре сложного слова: *видеорегистратор для автомобиля, автомобильный видеорегистратор, видеорегистратор для авто, видеорегистратор для автомобилей, автомобильный регистратор, регистратор для авто, видеорегистратор автомобиля, видеорегистратор авто, регистратор авто, регистратор для автомобиля, регистратор в автомобиль, видеорегистратор в автомобиль, видеорегистратор в авто, регистратор автомобиля, регистратор в авто, регистратор на авто, видеорегистратор на авто, регистратор автомобилей, видеорегистратор автомобилей, регистратор для автомобилей*. Приведённые синтаксические эквиваленты формируют **гнездо эквивалентности** сложного слова.

Результаты исследований языковых единиц, проводимых в рамках синхронно-эквивалентностного подхода, стали основой для создания «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» под ред. В. И. Теркулова (далее – Словарь).

Используемый подход к описанию сокращений показывает, что целый ряд аспектов существования сложных слов требует дополнительного изучения. Прежде всего, это вопросы о гнезде эквивалентности сложного слова, о причинах появления альтернативных эквивалентных словосочетаний, о возможности интерпретировать значение сложных слов, называющих явления объективной реальности. Этим обусловлена **актуальность** и необходимость данного исследования.

В зависимости от того, как в одном или в нескольких текстах сложное слово взаимодействует со своими синтаксическими эквивалентами, можно выделить 4 типа эквивалентных текстов [5]:

- Собственно эквивалентный текст. Текст, в котором сложное слово и его расчленённый эквивалент синхронно употребляются для обозначения одного и того же референта. Эквивалентное словосочетание дублирует структурные компоненты сложного слова и имеет абсолютно тождественное с ним значение. Например, сложное слово *газообмен* обнаруживается в одном тексте с эквивалентом *газовый обмен*: *Процедуры нравственного и физического очищения, голодание, диета, физические упражнения замедляют дыхание, улучшают общее состояние организма, состояние нервной и сосудистой систем и качество газообмена между атмосферным*

воздухом и кровью – Для того чтобы легкие успевали наиболее полно выполнить процедуру **газового обмена**, необходимо дышать как можно медленнее как на вдохе, так и на выдохе (Интернет-сайт газеты «Аргументы и Факты»: <http://www.aif.ru/archive/1676427>). Такой текст является наиболее показательным в плане необходимости объединить эквивалентные языковые единицы в гнезда эквивалентности.

- Параллельно эквивалентные тексты. Разные контексты, в которых сложное слово и расчленённый эквивалент используются для обозначения одного и того же референта. Например, сложное слово *бандлидер* и его наиболее частотный эквивалент *лидер банды* используются только в параллельных текстах: *Это очень серьезный **бандлидер**, на руках которого большая кровь, человек, который владел различными формами противодействия, и, конечно, мог бы применить их, пойти на крайние меры* (Международная информационная группа «Интерфакс»: <http://www.interfax.ru/russia/8354>) – *Как выяснилось, **лидер банды** создал группу в одной из соцсетей, все ее участники должны были пройти специальный обряд посвящения и каждый месяц перечислять организатору деньги* (Интернет-сайт Первого канала: https://www.1tv.ru/news/2019-09-27/373023-v_moskve_ar..).

- Условно эквивалентные тексты. Тексты, в которых сложное слово и его эквиваленты имеют тождественное сигнификативное значение, но обозначают разные референты. В гнезде эквивалентности слова *автоаксессуары* обнаруживаем условно эквивалентное словосочетание *аксессуары на автомобиль*: *Также покупателям особой серии вручат **автоаксессуары**, в том числе резиновые коврики с фирменной символикой и дорожный набор* (Автомобильный портал 32CARS.RU: www.32cars.ru/world-news/date-18-11-2020/novyuy-volkswagen-id-4-smojet-parkovatsya-bez-voditelya) – *Установка внешних **аксессуаров на автомобиль** – отличный способ выделить свою машину среди прочих на парковке, а также сделать ее более защищенной от всякого рода мелких повреждений* (Интернет-магазин «Pitstore»: <https://pitstore.com.ua/avtotuning/eksterer-stailing/deflektory-okon/deflector-okon-mini>).

- Косвенно-эквивалентный текст. Текст, в котором как синонимы используются эквиваленты сложного слова, но само слово не используется. Например, обнаруживаются тексты, в которых синхронно используются эквиваленты *ветряной двигатель* и *ветровой двигатель*, но не используется связанное с ними сложное слово *ветродвигатель*: ***Ветряной двигатель** работает при плоскостях устройства ориентации, обращенных к ветру – Регулирование числа оборотов ветряных колес и предохранение **ветрового двигателя** от перегрузки осуществляется за счет того, что при усилении ветра рамы с ветровыми колесами преодолевают сопротивление пружин, поворачиваются на шарнирах и отклоняются в зону, защищенную от ветра*

плоскостями ветронаправляющего устройства (Проект «Инновации бизнесу»: <http://www.ideasandmoney.ru/Ntrr/Details/131590>).

Альтернативность развёртывания сложного слова в словосочетания объясняется влиянием **дешифровальных стимулов**, сложившихся в сознании носителей языка. Участниками студенческой Экспериментальной лаборатории тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) была предложена идея дешифровального стимула как стереотипа расшифровки конструкта, как определённой модели развёртывания слова в словосочетание. Например, слово *драмтеатр* может трактоваться носителями языка как *драматический театр*, *драматургический театр*, *музыкально-драматический театр*, *театр драмы*; следовательно, конструкт *драм-* имеет актуальные дешифровальные стимулы *драматический*, *драматургический*, *музыкально-драматический*, *драма*. В более широком значении дешифровальный стимул понимается как имплицитные знания носителя языка, которые стимулируют возможность дешифрования сложного слова тем или иным способом; дешифровальные стимулы объясняют выбор структуры эквивалента носителем языка. Необходимо добавить, что дешифровальные стимулы определяют также невозможность использования какой-либо модели развёртывания конкретного сложного слова [4]. Вывод основан на анализе гнёзд эквивалентности, в которых обнаруживаются лакунарные позиции вместо словосочетаний-эквивалентов, формально-семантическая структура которых характеризуется регулярностью для всей аббревиатурной группы слов. Таким образом, мы говорим о дешифровальном стимуле как об индивидуальных для каждой языковой личности параметрах, определяющих совокупность моделей расшифровки конкретного сложного слова.

В зависимости степени репрезентации структуры и семантики сложного слова в образованном эквиваленте, исследователи выделяют презентативные, релятивные и модификационные дешифровальные стимулы [1]. Презентативные дешифровальные стимулы имеют обобщенную семантику и воспроизводят структуру сложного слова. В «Словаре» такой способ интерпретации конструкта встречается довольно часто: «академ» (*академический*); «бот» (*ботанический*), «грэн» (*гренажский*), «гум» (*гуманитарный*), «деж» (*дежурный*), «доп» (*дополнительный*), «драг» (*драгоценный*), «зап» (*запасной*), «кибер» (*кибернетический*) и т.д.

Синтаксические эквиваленты, построенные по релятивным и модификационным дешифровальным стимулам, как правило, конкретизируют значение сложного слова.

Дешифровальные стимулы релятивного типа реализуют падежную или предложно-падежную форму и актуализируют грамматические значения числа и падежа, не заложенные в структуре сложного слова (*грузовладелец* – *владелец груза*, *владелец грузов*). Модификационный дешифровальный стимул порождает эквиваленты, формально более сложные, чем

аббревиатура, и включает в словосочетание дополнительный ономаσιологический признак, не выраженный в сложном слове (*админцентр – центр админ¹ услуг²*).

Текстовые эквиваленты, как правило, дают носителю языка достаточную информацию о значении и функционировании сложных слов. Например, от языковых единиц *автоматический гидроподъёмник* и *автомобильный гидравлический подъёмник* образуются омонимичные *автогидроподъёмник¹* и *автогидроподъёмник²*, где *автогидроподъёмник¹* (*автоматический*) – 'гидравлическое подъёмное устройство, специализирующееся на подъеме оборудования вместе с работниками на определенную высоту для проведения различных видов работ' (или же *автовышка*), а *автогидроподъёмник²* (*автомобильный*) – 'подъёмно устройство на СТО, предназначенное для обслуживания и ремонта **автомобилей** с низкой посадкой'.

Однако в разрабатываемом «Словаре» обнаруживаются сокращения с невыраженным значением, для понимания которого недостаточно приведения эквивалентных словосочетаний. В связи с этой трудностью отдельный блок словарных статей посвящён толкованию значения единиц, вошедших в состав «Словаря».

Установить значение некоторых сокращений возможно только контекстуально, в результате обработки эквивалентных текстов. В данном исследовании эквивалентные тексты служат иллюстративным материалом для верификации значения идиоматичных языковых единиц.

Проблема вариативности интерпретации некоторых сложных слов поднималась в работах В. В. Лопатина, Е. А. Дюжиковой, В. Н. Немченко и др. Е. А. Дюжикова, анализируя материал современного английского языка, отмечает трудность интерпретации сложного слова (в частности, композитного) в отрыве его от исходного словосочетания: «связь между базисом и признаком [в сложных словах] допускает иногда несколько прочтений. <...> Трудности анализа композитов могут быть объяснены тем, что обычно выражаемые при помощи предлогов отношения между словами переходят в разряд латентных, когда эти слова становятся компонентами сложного слова. Так, эксплицитно выраженное отношение назначения в словосочетании *kettle for fish* становится имплицитным в сложном слове *fish-kettle*, т.к. его можно понять как "котел с рыбой" или как "котел для рыбы", а *fish-sauce* – как "соус, сделанный из рыбы" и как "соус к рыбе"» [2]. Аналогичная вариативность обнаруживается и в сложных словах русского языка.

Рассмотрим случаи невыводимости значения сложного слова из его компонентов, обнаруженные при работе над I томом «Словаря».

Автокресло

Значение словосочетания *автомобильное кресло* после появления его нерасчленённого эквивалента *автокресло* подверглось конкретизации:

вместо 'места для сидения в автомобиле' значение сузилось до 'удерживающего устройства, предназначенного для транспортировки детей в автомобиле'. Носители языка в ряде случаев отождествляют значение синтаксического эквивалента *автомобильное кресло* с любым типом сидений в автомобиле. Например, в обнаруженном эквивалентном тексте и сложное слово, и его эквивалент используются для обозначения иного референта: *Но пока мы не окунулись в негу блаженства, которое нам может подарить купленное **автомобильное кресло** для массажа, немного истории о развитии **автокресел** с функцией массажа вообще и о тестируемых нами современных автомобилях с такими сидениями, в частности* (Сервис поиска запчастей «zap-online.ru»: zap-online.ru/info/avtonovosti/rejting-massazhnyh-kresel-v-avtomobilyah-mogut-li-massazhnye-sideniya-zamenit).

Стоит отметить, что параллельно со словосочетанием *автомобильное кресло* для сложного слова используется эквивалент *кресло автомобиля*. Ономазиологический статус «посессив» в данном случае указывает на значение постоянной принадлежности (кресло автомобиля является частью самого автомобиля, в отличие от временно устанавливаемого детского автомобильного кресла). Сравним для примера с эквивалентным текстом, в котором эти два значения явно дифференцированы: *Если ребенок до 12 лет садится на переднее **кресло автомобиля**, то он обязательно должен находиться в специальном **автокресле*** (Интернет-журнал для собственников «Icarre95-programmelife»; авторская орфография сохранена: <https://icarre95-programmelife.com/byudzhethoe-pravo/shtrafi-za-detskoe-kreslo.php>).

Бронерукав

В группе «броня» среди сложных слов *броневоротник*, *бронекорсет*, *бронекостюм*, *бронешлем* встречается также слово *бронерукав* (эквиваленты – *бронированный рукав*, *броневой рукав*), которое в реальности не обозначает предмет одежды, как это может показаться на первый взгляд. *Бронерукав* – это 'трубопровод гибкой структуры, изготавливаемый, как правило, из оцинкованной стали, характеризующийся высокой ударопрочностью и огнестойкостью'. Слово имеет отмечаемые в «Словаре» синонимы *бронешланг*, *металлорукав*. Обнаруживаются параллельно эквивалентные тексты, в которых сложное слово и его эквивалент *бронированный рукав* обозначают один референт: *Электрические провода помещают в **бронированный рукав**, предотвращающий их от возможной механической деформации и прочих повреждений* (Сайт «Станки, сварка, металлообработка»: <https://stanki-info.com/izgotovlenie-vagonki-na-tsirkulyarke>) – *Если несколько кабелей укладываются параллельно, то между ними предусматривается определённое расстояние, и каждый кабель помещается в отдельный **бронерукав*** (Сайт ООО «ЛЭПРФ»: <http://www.leprf.ru/catalog/montage/muft>).

Реже расчленённое наименование *бронированный рукав* встречается в значении 'элемент обмундирования воина, защищающий руки от

огнестрельного и холодного оружия, от осколков боевых снарядов'. В этом случае значение референта может буквально трактоваться через расчленённое наименование. Для сокращения таких значений в изученных эквивалентных текстах обнаружено не было: *Ранние воины носили только один бронированный рукав (котэ) на левой руке* (Сайт школы боевых искусств «Катори»: <http://www.katori-khv.ru/content/dospeh-v-period-rannego-srednevekovya>).

Ветрозащита

Для сложного слова *ветрозащита* составителями «Словаря» было обнаружено 4 контекстуально обоснованных значения:

а) 'мембрана с односторонней влагопроницаемостью, которая применяется для защиты утеплителя и каркасных конструкций в системах навесных вентилируемых фасадов', которое обнаруживаем в собственно эквивалентных текстах: *Ветрозащита для стен каркасного дома представляет собой пленку с хорошими дышащими и диффузионными свойствами – Качественная защита от ветра каркасных зданий* (Сайт «RTP-News.com»: <https://rtp-news.com/vetrozashhita-dlja-sten-karkasnogo-doma>);

б) 'чехол из специального материала, надеваемый на микрофон для предотвращения искажения звука', которое также устанавливается в условно-эквивалентных текстах: *Если же вы обладатель конденсаторного микрофона, то вместо поролоновой ветрозащиты придется взять поп-фильтр – Однако защита от ветра будет выгодна с точки зрения цены* (Сайт «muzrock.com»: <https://muzrock.com/zvukozapis/aksessuary-dlya-mikrofonov>);

в) 'защитный экран, предотвращающий затухание огня газовой горелки под воздействием ветра', устанавливаемое по параллельно-эквивалентным текстам: *В комплекте находится котелок с встроенной ветрозащитой, крышка котелка, корпус горелки, подставка под газовый баллон, таганок для установки нестандартных котелков а также сетчатый чехольчик* (Информационный сайт «iXBT.com»: <https://www.ixbt.com/live/egorgugaev/firemaplestarx2.html>) – *Защита от ветра Wind Clip™ обеспечивает дополнительную стабильность потока пламени в плохую погоду* (Региональный портал RB7.ru <https://rb7.ru/m/life/146228>);

г) 'ветровое стекло для двухколёсного транспортного средства', также выявляемое в параллельно-эквивалентных текстах: *У него мощный двигатель на 160 «лошадей», длинноходная и электроннорегулируемая подвеска, запас хода 500 километров на одном баке, хорошая ветрозащита* (Интернет-портал Abw.by: <https://www.abw.by/novosti/autotravel/215431>) – *Улучшенная защита от ветра, позволяющая вам уверенно вести Honda GL 1800 даже в сложных условиях* (Сайт компании «Major Moto»: https://www.major-moto.ru/models/motorcycles/honda/gl1800a_gold_wing). Таким образом, слово

ветрозащита называет четыре денотата, связанных общей функцией, назначением (защищать от ветра).

Биоспутник

Приведения эквивалентного словосочетания *биологический спутник* недостаточно для понимания значения слова *биоспутник*. Базисный компонент *спутник* имеет несколько значений: 1. 'человек, который вместе с кем-нибудь совершает путь, путешествует'; 2. 'то, что сопутствует чему-нибудь, находится или появляется вместе с чем-нибудь'; 3. 'небесное тело, обращающееся вокруг планеты по замкнутой орбите'; 4. 'космический аппарат, обращающийся вокруг планеты'. Как минимум три значения (1, 2, 4) можно реализовать в сочетании с конструктом *био-*. В результате изучения эквивалентностных текстов удалось установить, что *биоспутник* – это 'искусственный спутник Земли, предназначенный для медико-биологических экспериментов, связанных с космическими полётами'. Все рассмотренные эквивалентностные тексты связаны с одним и тем же референтом: *Предприятие «Роскосмоса» проработало образ биологического спутника «Возврат – МКА», на котором после 2025 года собираются запустить 20 мышей – Кроме того, ученый сообщил, что на 2023 год запланирован полет второго биоспутника «Бион-М», на котором будет отработана система содержания мышей* (Портал «Известия»: <https://iz.ru/1015128/2020-05-25/rossiia-otpravit-biologicheskii-sputnik-s-dvumia-desiatkami-myshei-v-kosmos>).

Лексическая идиоматичность нередко обнаруживается в русском языке, в том числе среди аббревиатур. Степень идиоматичности значения универбатов обусловлена целым комплексом факторов, например, семантической сочетаемостью компонентов эквивалентов, многозначностью словообразовательных компонентов и т.д. [3].

В традиционных словарях сокращений значение аббревиатуры, как правило, объясняется через парафразу. Идиоматичность аббревиатур и их эквивалентных словосочетаний обосновывает необходимость давать сокращённым единицам вместо парафразы полноценное толкование лексического значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – С. 51-57.

2. Зайцева Е. А. Явления, переходные между аббревиацией и сложением (на материале наименований лица) / Е. А. Зайцева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16, №2(4). 2014. – С. 941-943.

3. Осильбекова Д. А. Идиоматичность семантики универбатов / Д. А. Осильбекова // Русистика без границ. Т. 4., №1. 2020. – С. 18-22.

4. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул как источник интерпретации сложного слова / В. А. Рязанова // Социокультурная среда вуза и языковое развитие личности иностранного студента: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Москва, 2019. – С. 84-88.

5. Теркулов В.И. Текст как показатель аббревиатурной эквивалентности / В.И. Теркулов // Язык.Текст. Дискурс. Вып. 16. – Ставрополь, 2018. – С. 34-41.

V. A. Riazanova

IDIOMATIC SEMANTICS OF COMPLEX WORDS

The article deals with cases of idiomatic character of some abbreviations and composite words investigated while working on the "Explanatory dictionary of complex shortened words of Russian language". The work provides contextually justified interpretations of abbreviations formulated by the authors of the "Dictionary".

Key words: complex word, decoding stimulus, interpretation, idiomatic, equivalent text.

Дискурсология и генристика

УДК 811.161.1

Г.Ю. Богданович

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского»*

КРЫМСКИЙ КОНТЕКСТ: О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ, НОРМАТИВНОЙ БАЗЕ И ЯЗЫКОВОМ КОДЕКСЕ

Лингвокультурная ситуация в регионе, характеризуясь набором признаков, с течением времени не теряет своей актуальности и рассматривается в динамике. Через языковую личность и ее роль в лингвокультурной ситуации функционирует и оттачивается в разных аспектах языковая норма, испытывающая постоянное влияние в результате взаимодействия языков в полилингвокультурной ситуации. Русский язык на протяжении исторического развития длительное время является неизменной

составляющей языковой доминанты Крымского региона, влияет на формирование общественной жизни, языковой политики, образовательной деятельности и требует бережного к себе отношения.

Ключевые слова: лингвокультурная ситуация, нормативная база, языковой кодекс, полифункциональность, языковая доминанта.

Современная русистика все чаще обращается к терминам и понятиям, регламентирующим лингвистическую составляющую различного рода коммуникаций. Характер общественных отношений, смена лингвистических парадигм, коммуникативная специфика разных сфер деятельности, в т.ч. образовательной, информационной, бытовой и др., свидетельствуют о том, что назрела острая необходимость внимательно переосмыслить принятую и закреплённую нормативную базу и, главное, отношение к ней. Чаще всего понятие *нормативная база* понимают как *нормативно-правовая база*. Именно таким образом обращают внимание на факт обязательности применения, использования, употребления. Для лингвистики нормативная база воспринимается довольно широко и включает в себя множество различных составляющих. Конечно, применительно к каждому отдельному языку такая нормативная база будет иметь свои специальные особенности, но тем не менее знаковые характеристики будут повторяться, представляя собой основу лингвистической деятельности.

Языковая норма и полифункциональность

Эти самые характеристики определяются теоретическими сведениями (грамматика, орфография, пунктуация, стилистика), формирующими культуру устной и письменной речи, и составляют то, что должен знать каждый носитель языка. Изучение таких характеристик обычно включают в ту или иную программу образовательной деятельности, основу которой составляют многочисленные теоретические сведения, сформированные разными поколениями ученых, систематизированные и адаптированные для изучения, ориентированные на различные целевые аудитории. В связи с этим актуализируется понятие *языковая норма*. Известно, что языковая норма, или норма литературного языка, достаточно подробно описана в научной литературе и классифицируется обычно как директивная (обязательная) и вариативная, распространяясь на все ярусы языка [4].

Русский язык как национальный язык русского народа, государственного языка Российской Федерации и средства межнационального общения, имеющий исторические традиции, обладающий нормативностью и развитой полифункциональностью, распространен на значительной территории и используется многими. На основе русского языка формируется образовательная система, устанавливаются межпредметные

связи, способствующие взаимодействию, взаимопроникновению различных единиц в межкультурном взаимодействии. Культурно-национальная специфика многоязычной России фиксирует особенности в том числе региональных языков. Через языковую личность и ее роль в лингвокультурной ситуации функционирует и оттачивается в разных аспектах языковая норма, испытывающая постоянное влияние в результате взаимодействия языков в полилингвокультурной ситуации.

Республика Крым является именно таким поликультурным регионом, где компактно проживают представители разных этносов, национальных общин, а государственными языками являются русский, украинский и крымско-татарский.

Известно, что идентификация и самоидентификация личности строится на основе языка. По данным Всекрымской переписи населения, осуществлявшейся в Республике Крым и Севастополе с 14 по 25 октября 2014 года и опубликованной Росстатом, на территории Крыма проживают представители 175 различных этносов, имеющих свою культуру, свой язык. Самые большие национальные общины – русские (68% населения), украинцы (почти 15,7%) и крымские татары (около 12%). Другие национальности в Крыму составляют до 4% населения. Из них самые многочисленные – это белорусы (21,7 тыс. человек, 1%) и армяне (11 тыс. человек, 0,2%). От одной до пяти тысяч человек в Крыму – это такие национальные группы, как азербайджанцы, узбеки, молдаване, евреи, корейцы, греки, поляки, цыгане, чуваша, болгары, немцы, мордвы, грузины и турки. Менее одной тысячи человек в Крыму входит в национальные группы таджиков, марийцев, башкир, удмуртов, осетин, казахов, арабов. Кроме того, в Крыму насчитывается 535 караимов, 228 крымчаков. Таким образом, по данным Росстата, перепись зафиксировала в Крыму 2 млн 284 тыс. жителей, из них 96,2% указали свою национальную принадлежность [2, с. 4].

В Крыму государственным языком Российской Федерации – русским – владеет 99,8% населения, ответившего на вопрос о владении языками. На вопрос о родном языке 84% населения ответили, что их родным языком является русский, 8% – крымско-татарский, 4% – татарский и 3% – украинский язык. Родным языком русский назвали 79,7% украинцев, 24,8% татар и 5,6% крымских татар [там же, с.5]. Данные статистики убедительно свидетельствуют о том, что на территории полуострова именно русский язык выполняет функции языка коммуникации.

Антропоцентрическая парадигма и лингвокультурная ситуация

В свое время антропоцентрическая парадигма ворвалась в языковое пространство и активизировала изучение лингвокультурной ситуации (далее: ЛКС) и всего, что с ней связано: языковая личность, языковая картина мира, концептосфера и мн.другое (см., например, работы: В.А. Маслова, М.В.

Пименова [8], В.И. Карасик [6], Г.Г. Слышкин [9] и мн.др.). Вместе с тем, по свидетельству В.М.Шаклеина, интерес к изучению лингвокультурной ситуации, пройдя свой пик, постепенно теряет позиции [15], хотя значимость постоянного тестирования взаимоотношений в рамках такого феномена, как полилингвокультурная ситуация, наоборот, возрастает. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что в лингвокультурной ситуации определённым образом конструируется некоторая модель мира на каждом из этапов развития национально-культурной общности как таковой [11, с. 44]. В современной русистике накоплен определённый опыт исследования языковой ситуации, лингвокультурной ситуации, языковой среды, объектом которого выступали разнообразные составляющие, формирующие исследовательское пространство [5]. Достаточно активно формировался аппарат лингвокультурологических исследований, нашли свое применение разнообразные методики описания лингвокультурной ситуации, что дало возможность верифицировать данные, делать выводы, создавать научную базу для дальнейшего изучения. К слову сказать, методы изучения и описания лингвокультурологических сведений отличаются разнообразием и активно используются учеными. Известно, что мировая лингвокультурологическая традиция связана с именами таких выдающихся исследователей, как Р. Барт, Т. Ван Дейк, Ф. Соссюр, Р. Якобсон. Теорию культурно-ситуативных моделей исследовали такие учёные, как Л. Витгенштейн, Г. Гадамер, М. Хайдеггер, Н. Хомский. В. Гумбольдт выразил мысль об определении мировоззрения народов через их языки. Его идеи получили развитие в трудах Э. Бенвениста, Ж. Вандерриеса, А. Мейе, А. А. Потебни. Труды таких российских учёных, как Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Верещагин, В. В. Воробьев, Т. М. Дридзе, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, В. М. Шаклеин и др., являются основой при изучении ЛКС. Считаем, что основными составляющими лингвокультурной ситуации следует определить различные социальные феномены: языковую ситуацию, культуру, науку, образование, языковую политику, межэтнические отношения, социально-политические условия и др. [1, с. 5], в которых, в свою очередь, происходят процессы изменения. Несомненно, интересно то, как изменилась ЛКС Крыма, ведь между проводимыми региональными статистическими экспериментами прошло свыше 15 лет, а мониторинговое отслеживание (законодательные документы, СМИ, работа государственных и общественных служб, порталов, социолингвистический сбор материала, т.е. анкетирование, «включенное» наблюдение, опросы, интервьюирование и т.д.) языковой ситуации как составляющей ПЛКС в данном регионе является важным с точки зрения и языковой политики, и развития данного региона в целом. В связи с глобальными изменениями социальных феноменов в данном регионе изучение лингвокультурной ситуации, а именно ее составляющих как комплекса, на сегодняшний день является важным этапом. Именно

обработка разнохарактерных и объёмных источников позволяет обозначить эффективность языковой политики данного региона, а также отметить реальное положение дел в образовательном процессе [10].

Языковая ситуация и ЛКС региона: методика описания

Несмотря на то, что ЛКС – один из важнейших объектов изучения в современной лингвокультурологии, исследователи берут во внимание диахронический аспект, то есть исследуют ЛКС наиболее показательного временного среза, как, например, В. М. Шаклеин, Ю.С. Степанов и др. Чаще всего используется метод описания текста, отражающего особенности той или иной эпохи (В. М. Шаклеин, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, В. В. Воробьев и др.). В. Н. Телия исследует фразеологизмы с позиций рефлексии носителя живого языка. Некоторые исследователи (В. А. Маслова) создают фундаментальные теоретические обобщения, которые посвящены как частным проблемам, так и общим вопросам. Однако для нашей работы основополагающей является комплексная методика описания лингвокультурной ситуации, которая включает частные аспекты изучения и исследует ЛКС Крыма как целостное явление, охватывая все составляющие данного понятия.

Стоит отметить то, что специфика этнической и социальной жизни отражаются в языке того или иного региона, и этот процесс является довольно динамичным. Современная наука нуждается в комплексном анализе лингвокультурной ситуации Крыма, особенно в связи с воссоединением Республики с Российской Федерацией и выявлением абсолютно новых данных, которые являются базовыми при изучении ЛКС в данном регионе [3]. Важно наблюдать, как происходит адаптация, в том числе и лингвистическая.

Лингвокультурная ситуация может быть рассмотрена с разных сторон и разными методами, проанализировав различные точки зрения по исследуемой проблеме мы установили, что некоторые исследователи используют частные методики и технологии описания ЛКС. Характеризуя концептуальную составляющую (Ю.С.Степанов), культурно-национальную (В.Н.Телия), методологию лингвокультурологического исследования текста (В.М. Шаклеин), ученые в своих концепциях определяют теоретическую базу для научного описания лингвокультурной ситуации, обозначают, через анализ которого исследуется породившая этот текст ЛКС. Для нашего исследования исходным следует считать определение В. М. Шаклеина, где отображены те факторы, опираясь на которые следует анализировать лингвокультурную ситуацию: временной, взаимодействия языков и культур, территориальной. Вместе с тем, именно многокомпонентность и комплексное описание ЛКС дает возможность не только определять

динамику, но и определять языковую политику региона как составляющего нашего государства.

Языковую ситуацию как одну из основных составляющих ЛКС нужно рассматривать в том числе в аспекте социолингвистики, т.к. язык – явление общественное, он неразрывно связан с социумом. Таким образом, сущность лингвокультурной ситуации заключается в объединении индивидуального языка с групповой и общенациональной лингвокультурной спецификой.

Полилингвокультурная ситуация Крыма и языковое сознание

Основная сущность языковой ситуации в Крыму заключается в том, что множество самобытных этносов со своими родными языками и культурами сосуществуют на одной территории гармонично, вступая в диалог. Идентификация этнических групп – один из важнейших вопросов, которые решаются, т.к. Российская Федерация состоит из множества различных народностей, этносов, которые проживают на разных территориях, сохраняя свою самобытность и традиционные черты культуры.

Специфической особенностью Республики Крым является владение русским языком, независимо от этнической принадлежности, языком этнической группы, т.е. родным, а также иностранным. В этой связи актуализируются связанные с этой спецификой языковые векторы: русско-украинское двуязычие; функционирование украинизмов и элементов суржика; постоянный диалог между языками и этносами.

Говоря о русском языке в Крыму, нельзя не сказать о том, что он является языковой доминантой, которая, по нашему мнению, считается реалией непостоянной, т.е. под данным понятием подразумевается совокупность доминирующих языков, которая может изменяться. Русский язык на протяжении исторического развития долгое время является неизменной составляющей языковой доминанты Крымского региона [10, с. 5]. Используя ассоциативный эксперимент и методику описания межкультурной коммуникации Т.Г.Тер-Минасовой [14], в КФУ им.В.И.Вернадского в течение нескольких лет проводили социолингвopsихологический эксперимент среди молодежи. Фрагмент данного исследования позволяет представить *Россию и русских* ассоциатами следующим образом. По частотности употребления первые десять слов выглядят следующим образом. 2013 г.: 1. Водка. 2. Москва. 3. Путин. 4. Кремль. 5. Пушкин. 6. Береза. 7. Лес. 8. Красная площадь. 9. Зима 10. Сибирь.

2014 г.: 1. Водка. 2. Путин. 3. Москва. 4. Медведь, суровая зима, холод, снег. 5. Газ, Газпром. 6. Гастарбайтер. 7. Сибирь, Родина. 8. Родственники, Питер, природа, тайга, леса. 9. Кремль, добрая душа. 10. Многонациональная страна, береза, шоколад, конфеты, Медведев, матрешка, кинофильмы, балалайка, огромная, СССР, друзья.

2018 г.: 1. Путин. 2. Большая, огромная. 3. Крым. 4. Медведь. 5. Водка. 6. Москва. 7. Родина. 8. Природа, тайга. 9. Холод, снег. 10. Матрешка, газ, балалайка, береза, Кремль, Пушкин, армия, помощь, сила.

2019 г.: 1. Путин. 2. Медведь. 3. Москва. 4. Природа, тайга, леса. 5. Великая держава, большая, огромная. 6. Крым. 7. Родина, Отечество. 8. Водка. 9. Сильная, матрешка, газ, Газпром. 10. Балалайка, береза, добрая душа, доброта, Кремль, суровая зима, холод, снег, «Таврида», Крымский мост.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что в течение определенного времени ассоциативный ряд относительно *России и русских* менялся лишь в процентном соотношении тех или иных ассоциатов. Динамика изменений связана с политическими событиями. В связи с кардинальным изменением действительности крымчане не стали думать иначе, лишь некоторые изменения происходят по причине некоторого осознания реального положения дел. Сопоставление данных, свидетельствует о степени отражения в сознании крымской молодёжи тех или иных событий; во многом сильны стереотипы, которые обычно характерны для иностранцев, и связаны с поверхностным знанием о государстве. Данные стереотипы вербализованы языковыми единицами: *медведь, водка, матрёшка, тайга, балалайка, берёза*. Несмотря на присутствие некоторой отстраненности от реального положения дел и идентификации Крыма как субъекта Российской Федерации, всё же изменения произошли, и присутствует некоторый патриотизм крымчан по отношению к России, и можно говорить об идентификации с государством.

Для того чтобы выяснить, является ли идентификация с государством основной или нет, мы предложили респондентам идентичный опрос относительно *Крыма и крымчан*. Проанализировав ответы, получили следующую картину.

По частотности употребления слова представлены в динамике таким образом:

2013 г.: 1. Море. 2. Отдых. 3. Дом. 4. Горы. 5. Солнце. 6. Родина. 7. Курорт. 8. Ялта. 9. Пляж. 10. Полуостров.

2014 г.: 1. Море. 2. Отдых. 3. Природа. 4. Горы, дом. 5. Ялта. 6. Тёплый климат, Родина, курорт. 7. Лето, ЮБК крымские татары. 8. Хорошая экология, чистый воздух, Симферополь, родители, близкие. 9. Чайка, лагерь «Артек», работа, ТНУ. 10. Черноморский флот, сказочность, развлечения, дружные; любовь; радость; общение; республика; Керчь; жизнь.

2018 г.: 1. Море. 2. Курорт. 3. Горы. 4. Родина. 5. Солнце. 6. Дом. 7. Природа. 8. Семья. 9. Россия. 10. ЮБК, доброта, референдум.

2019 г.: 1. Море. 2. Отдых, отпуск, курорт. 3. Горы, Ай-Петри. 4. Родина. 5. Солнце. 6. Природа, парки, сады. 7. Дом. 8. Ялта. 9. Семья, родители, близкие. 10. Развитие, многонациональность, Россия, лето, референдум, Крымский мост.

Таким образом, в сознании молодёжи Крым – это жемчужина, где всё располагает к отдыху. Вместе с тем, это также родной дом. Яркое выражено осознание того, что Крым – субъект РФ. Молодёжная аудитория специфична по своему восприятию окружающего мира, ассоциативным представлениям, однако, несомненно, показывает определённый уровень собственного самосознания по отношению в территории своего проживания.

Динамика изменений, обозначенная в вербализованных единицах (представленный эксперимент), является показателем того, что на идентификацию не влияют политические события. Таким образом, полученные результаты дают все основания полагать, что сильна идентичность региональная, которая связана, в первую очередь, с тем, что идентификация происходит на уровне региона, а потом и государства (см., например, такие ответы респондентов: *Родина, дом, семья, близкие, Россия*). Анализируя данные, представленные респондентами, можно утверждать, что Россия как один из предложенных ранее объектов ассоциативного эксперимента входит в поле ассоциаций Крыма, а Крым – в поле России, что, в свою очередь, подтверждает существование некоторой региональной идентичности, которую можно выразить следующим образом: жители Крыма в большей мере считают себя именно крымчанами, а уже потом гражданами России. Ассоциативный срез помогает разобраться в формировании современной языковой картины мира крымчан. И хотя приведенные результаты не следует рассматривать как некую догму, несомненно, что ранее сформированная языковая ситуация меняется. Безусловно, на общественное мнение существенное влияние оказывают средства массовой информации и коммуникации и органы власти. Положительные ассоциации относительно *России и русских* в сознании крымчан свидетельствуют и о когнитивном компоненте региональной идентичности, т.е. самоидентификация всё-таки основывается на соотношении индивида с той или иной общностью, в частности, русскими, в данном случае как жителями России, так и государством, которое для крымской молодёжи является домом и приносит счастье. Надо отметить, что в языковой картине крымчан мир России представлен ограниченно известными им сведениями, выраженными в ассоциациях: например, *природа, пейзаж* вербализованы такими языковыми единицами: 1. Тайга, леса, грибы. 2. Снег, холод, суровая зима, слякоть, дождь. 3. Просторы, большая территория, плохие дороги. 4. Северная страна, берёзы, деревни. 5. Орёл, река, озёра, Байкал, Волга. *Собственные имена*: 1. Алла Пугачёва. 2. Пётр I; Екатерина II; Сталин И.В.; Путин В.В.; Медведев Д.А.; Жириновский В.В. 3. Кремль; Рублёвка; МГУ. 4. Сибирь; Крым; Урал; Грузия; Чечня. 5. Байкал; Волга; Нева. 6. Москва; Санкт-Петербург; Владимир; Севастополь. 7. Единая Россия. 8. Автомобиль «Лада». 9. СССР; Красная площадь. 10. Пушкин А.С.; Достоевский Ф.М. 11. Автомобиль «Жигули». 12. Футбольный клуб «ЦСКА»; футбольный клуб «Локомотив».

Выводы

Примеры ассоциативного представления крымской молодежи составляют их концептуальную и языковую картину мира и являются показателем того, насколько в Крыму сильна идентификация государственная и насколько региональная. Как мы видим, жители Крыма в первую очередь готовы сказать, что они крымчане, т.е. осознают свою принадлежность к Крыму как Родине, месту проживания. Несмотря на это присутствует идентификация региональная, где сильна этно-национальная принадлежность, которую можно отнести, в частности в Крымском регионе, к региональной идентичности, базирующейся на общности исторического происхождения. Так что региональная идентичность, которая строится на базе русского языка, является наиболее важной и показательной, когда речь идет именно о полилингвокультурной ситуации в Крымском регионе.

Специфической особенностью Республики Крым является владение русским языком, независимо от этнической принадлежности, языком этнической группы, т.е. родным, а также иностранным. В этой связи актуализируются связанные с такой спецификой языковые векторы: русско-украинское двуязычие; функционирование украинизмов и элементов суржика; постоянный диалог между языками и этносами.

Одновременное использование на одной территории разных языков предполагает функционирование такого распространенного явления, как интерференция, которая проявляется на всех языковых ярусах. Близкое родство и разный уровень владения тем или иным языком формирует в рамках двуязычия широкую полосу смежных явлений, которые на территории Крыма ждут своего изучения. А бережное отношение к языку, его истории и культуре, нормам словоупотребления в устной и письменной речи неизменно ставит задачу не только корректного использования, но и соблюдения принятых нормативов. При доброй воле и заботе о судьбе родного языка желательно использование языкового кодекса в разных сообществах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович Г.Ю. О языковой доминанте в полилингвокультурной ситуации / Г.Ю. Богданович // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации», 2012, Т. 25 (64) № 1. Ч. №2. – С.3-6.
2. Богданович Г.Ю. Нужен ли языковой кодекс?// Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. - Том 1 (67).- № 1.- 2015 - С. 3–7, с.4
3. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии: монография / Г. Ю. Богданович. – 3-е изд., испр. и доп. - Москва : Флинта : Наука, 2017. – 305 с.

4. Грамота РУ – справочно-информационный портал. Режим доступа: <http://gramota.ru/biblio/>
5. Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина, И.А. Кудрейко и др.; под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО "НПП" Фолиант", 2018. – 265 с.
6. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы: монография / В.И. Карасик – М.: Гнозис, 2019. – 422 с.
7. Лингвокультурный анализ языковых картин мира: динамика и сопоставление: монография / А.Х.Мерзлякова, Е.Н.Руденко, А.А.Кожина, Ю.В.Железнова, Н.В.Ивашина, Л.Г.Васильев, И.Ю.Русанова, В.М.Громова, Н.Н.Черкасская, З.Ф. Галимова/ Отв. редактор А.Х.Мерзлякова. – Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 2011– 366с.
8. Маслова В.А., Коды лингвокультуры / В.А. Маслова, М.В. Пименова – М. : ФЛИНТА, 2016. – 180 с.
9. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография / Г. Г. Слышкин – Волгоград : Перемена, 2004. – 339 с.
10. Современная картина мира: крымский контекст: коллект.моногр. Кн. 3/ Т.А.Аржанцева, Е.Л.Ачилова и др.; [под ред. Г.Ю.Богданович]. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. – 212 с.
11. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. / Ю.С. Степанов. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/184559/>.
12. Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации / Е. Стоянова. – Шумен: Университетское издательство «Епископ Константин Преславски», 2013. – 276 с.
13. Теркулов В. И. Методики работы с Национальным корпусом русского языка : учебно-методическое пособие / В. И. Теркулов. – Донецк : ДонНУ, 2019. – 86 с.
14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
15. Шаклеин, В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография / В. М. Шаклеин. – М.: Флинта, 2012. – 301 с. Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/462846>

G.Yu. Bogdanovich

**CRIMEAN CONTEXT: ON THE LINGUOCULTURAL SITUATION,
REGULATORY
FRAMEWORK AND LANGUAGE CODE**

The linguocultural situation in the region, characterized by a set of features, does not lose its relevance over time and is considered in dynamics. Through the

linguistic personality and its role in the linguocultural situation, the linguistic norm functions and perfects in various aspects, which is constantly influenced by the interaction of languages in a multilingual cultural situation. For a long time, the Russian language has been an invariable component of the linguistic dominant of the Crimean region for a long time, it influences the formation of public life, language policy, educational activities and requires careful attitude towards itself.

Key words: *linguocultural situation, normative base, language code, polyfunctionality, language dominant*

УДК 81-13

В.С. Коробова-Латынцева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов)

ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА СТУДЕНТА- НЕФИЛОЛОГА

Статья посвящена описанию возможности приобщения к лингвокраеведческой работе студента во время обучения в вузе по нефилологической специальности. Подробно рассмотрены методы как собирательской, поисковой, так и интерпретационной работы. Особое внимание уделяется воспитательной функции разработанных и предложенных мероприятий (реализации гражданского и патриотического воспитания) в рамках проведения лингвокраеведческой работы.

Ключевые слова: *лингвокраеведческая работа, студент-нефилолог, языковая компетентность, краеведение, регионалистика*

Курс «Русский язык и культура речи» состоит из трех частей: орфография, пунктуации и стилистика, рассчитан на три семестра обучения и является обязательной дисциплиной для всех специальностей в высших учебных заведениях различных типов. Лингвокраеведческая направленность деятельности студентов при усвоении данного курса может показать высокий результат в качестве пространства для отработки полученных знаний, умений и навыков.

В означенном курсе студент-нефилолог (для которого русский язык является родным) сталкивается с концентрированным лингвистическим материалом, сам процесс обучения требует от него активного речевого практического участия, творческого подхода и высокого уровня вовлеченности и работоспособности.

В подобных условиях наибольшей продуктивности можно достичь, используя метод проектов, проблемное обучение, привлечение студентов к

неаудиторной работе и внеплановым образовательным мероприятиям. Например, привлечение учебной группы для коллективного знакомства с произведением искусства, литературным произведением с последующим его обсуждением, участие в диспутах и заседаниях интеллектуальных объединений по интересам.

В качестве формы практической неаудиторной деятельности может использоваться методология нарративного интервью, интервью по шаблону (анкета или опросник), включенное наблюдение в рамках исследования ритуализированных социальных явлений, исследование разговоров и толков, мифов и идеологем, аудио- и видеоматериала, биографический метод. Интересные результаты дает применение организационно-деятельностных игр (Г.П. Щедровицкий). В рамках изучения детского языка, языка субкультур и корпоративной культуры, при составлении речевого портрета личности и группы лиц.

Также полезным станет использование интегративного подхода, который может задействовать не только материал смежных дисциплин (риторика и деловая риторика, этика и эстетика, ораторское искусство и технологии коммуникации, дискурсология и культурология, диалектология и ономастика, лингвистические краеведение и регионалистика т.д.), но и связать воедино лингвистическую проблематику с тематикой профильного направления обучения учащегося.

Дополнительная работа по выявленному, в данном случае лингвистическому, интересу у студента-нефилолога а) стимулирует активность и заинтересованность в успешности проекта, в котором он участвует, б) всегда вознаграждается дополнительными знаниями по дисциплине, расширяет кругозор, в) выявляет новые способности студента или работает над проблемными зонами или пробелами в знании, выполняя роль дополнительного тренажера, г) помогает получить научно-исследовательский практический опыт, обрести профессиональные научные знакомства.

Так, студент, будущий юрист, дипломат или историк, заинтересован в развитии речевых способностей, в получении опыта интервьюирования и поисковой работы, работы «в поле» – это гуманитарии, но не профессионализирующиеся филологи. Обучающимся технических специальностей больше интересны способы расшифровки, описания и систематизации полученных данных. Всем студентам важно научиться применять различные научные методы и приемы, грамотно излагать свои мысли, развить аналитические способности.

Важную роль в этом процессе занимает приобщение студентов к лингвокраеведческой работе, с предпосылками и результатами которой они сталкиваются уже на занятиях по русскому языку и культуре речи.

Под лингвокраеведческой работой мы понимаем работу студента, которая имеет своим объектом «живой» язык среды проживания, а также его

выражение в культуре – учитывается локальность рассматриваемого феномена и его актуальность.

Лингвокраеведение – это «комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка (язык понимается здесь как культурный код нации)» [7: 80]. Помимо просветительской функции в отношении культуры и менталитета своего края, такое научно-методологическое направление выполняет обучающую и воспитательную функцию – усваиваются знания по лингвистическим дисциплинам, отрабатываются навыки научной работы, происходит идеологическая работа над языковой, мировоззренческой, ценностной картиной мира индивидуума [3].

Возможны следующие направления в лингвокраеведческой работе студента-нефилолога: изучение языка города (или другого населенного пункта), языка наружной рекламы, местной прессы; молодежного сленга или профессионального жаргона в лексико-семантическом, структурно-derivационном аспектах. Особо востребованной становится тема языкового портретирования – составление речевого портрета или описание языковой личности школьника, студента, преподавателя, современного писателя, городского поэта, политика, описание того или иного произведения, или «местного» текста в целом – как, например, московский текст, казахский текст, донецкий текст и т.д.; концептуальные, ономастические и психолингвистические исследования, прочее. Важна вовлеченность начинающего исследователя в материал исследования, которая на первых этапах, скорее всего, не будет осознаваться. Студент, исследуя близкую и понятную для себя среду, будет постоянно работать над собой, своим знанием и незнанием, совершать одновременно познавательный и творческий, образовательный и воспитательный акты в саморазвитии.

В основном результатом работы студента становятся записи устных свидетельств в формате глубоких интервью, тематических опросов и ситуативно озвучиваемых фрагментов, спонтанных и тематических текстов. В качестве контекстного сопроводительного материала рассматриваются данные фото- и видеофиксации, сугубо краеведческая информация, образцы профессионального и самодеятельного творчества населения.

Студент не обязательно должен уметь применять знания диалектов и форм их записи, транскрибирования, иметь представление о традиции (он ей принадлежит), однако должен быть чуток к слову, любознателен, заинтересован в результате, трудолюбив, так как основная цель первоначального этапа работы – сбор данных, их интерпретация – это работа другого уровня, и к ней тоже могут быть привлечены непрофильные студенты.

В современных условиях изучение диалектов заменено изучением конкретных местных говоров (говор села, одного городского района, или даже отдельного микрорайона и т.д.), востребованным стало понятие

«региолект» – поощряется дробление как наиболее достоверное свидетельство фиксации наблюдаемых явлений, это касается временного и территориального среза данных, синхронии и диахронии.

В монологических высказываниях современных реципиентов можно наблюдать смешение категорий мое-чужое, личное и общественное – наблюдается размытость границ языковых и социальных явлений, мощным остается влияние СМИ и интернет-коммуникации на язык, поведение и мировосприятие, что тем или иным способом получает отражение в особенностях пользования языком: манере говорить, отношении к норме и речевых привычках. Люди все также больше всего любят говорить о себе, все чаще срабатывает эгоцентрическая позиция в речи.

Особое развитие получает исследование внутрисемейных родословных – «устных и письменных текстов, посвященных истории собственной семьи, существующие внутри семьи и бережно передающихся из поколения в поколение в виде рассказов, фрагментов бесед, текстов, магнитофонных записей» [4: 5–6]. Студенты (чаще первокурсники на первых занятиях по предмету) с удовольствием пишут сочинения на тему «Моя семья» или «Мое детство», составляют собственные родословные или ведут разыскные работы по воссозданию родословной героического соотечественника.

Привлекает студентов ономастическая работа – выяснение и описание истории происхождения названия села или определенной части поселения, выяснение истории происхождения фамилии или прозвища.

В целом поэтонимикон, микропонимикон и антропонимикон являются хорошим полем для отработки навыков языковой и речевой грамотности. Поисковая же работа в этих направлениях учит работать с источниками, оформлять записи и собственные исследовательские наблюдения за лингвистическими явлениями.

Яркая образность и явная мотивированность имен привлекает многих начинающих исследователей. А тот факт, что студент принадлежит к изучаемой языковой среде, только способствует развитию, предоставляя новый опыт языковому сознанию, обогащая языковую практику новыми навыками, давая представление о языке как социальном, возрастном, субкультурном и профессиональном, культурном и живом явлении. Исследуя языковую реальность своего региона, отдельной территории, студент на практике восходит к пониманию устройства национального языка. Подобная систематизация знаний помогает увидеть в языке предельную стройность и гармонию.

Например, занимаясь только топонимикой, лингвогеографией, можно сделать обзор исторической, политической и социальной подоплеку жизни региона на определенном этапе развития. Для разного времени записи и поколения респондентов станут продуктивны свои темы: Великая Отечественная война, коллективизация, переселение, Перестройка, 90-ые, война на Донбассе 2014; и подтемы: проблемы села и города, трудовая

миграция, создание семьи, женщина в шахте и на заводе, труд шахтера, писатели о Донбассе и т.д. – маркер тематической закреплённости того или иного текста.

Особняком стоит работа над художественными культурными текстами родного края. Язык художественного произведения требует кропотливой работы со словарями, требует от исследователя хорошей читательской подготовки. Именно в художественном тексте могут содержаться характерные особенности местного текста, получившие воплощение на всех языковых уровнях, предоставляющие сведения об определенном периоде жизни общества и его языке.

Лингвистическая работа в таких специально заданных условиях тесно взаимосвязана с рядом других дисциплин, как история, этнография, антропология, социология и проч. А значит, будет способствовать разностороннему развитию студента-нефилолога, не станет ограничивать специалиста в рамках одной дисциплины, способствовать становлению будущего специалиста по выбранному профилю.

Лингвокраеведческая работа студенту-нефилологу предоставляет следующие возможности: приобщение к научно-исследовательской (проектной) деятельности; обращение к новому коллективу других специалистов; применение теоретических знаний, увлечений и умений на практике, что разнообразит и углубит процесс профессионализации (опыт групповой и индивидуальной исследовательской работы, навык поиска, сбора и обработки информации, внедрение методов собирательской, поисковой, интерпретационной работы, подготовка презентации и защиты полученных результатов); формирование чуткости к родному языку, уважения и любви к истории и культуре родного края.

Не последнюю роль играют приобретенные в рамках лингвокраеведческой работы студентом-нефилологом филологические знания: приемы лингвистического анализа текста и слова в частности (семантического, этнокультурного, контекстуального, концептуального анализа и т.д.), умения интервьюирования и конспектирования.

Кафедра русского языка филологического факультета Донецкого национального университета с дисциплиной «Русский язык и культура речи», читаемой на первых и вторых курсах, работает на всех факультетах университета. Тем самым активно и по возможности популяризирует и приобщает к поисково-исследовательской лингвокраеведческой работе студентов разных специальностей.

«Лингвистическая регионалистика и язык города» – общекафедральная тема, в работе над которой привлечены студенты разных курсов, допускаются к работе интересующиеся студенты других специальностей.

Над пополнением лингвокраеведческого фонда, текстовой базы данных, работают ведущие специалисты и преподаватели кафедры. Разрабатываются рабочие программы и методические пособия, пишутся

дипломные и курсовые работы, доклады для выступлений на конференциях, научные статьи и рефераты на темы, предусмотренные программой. Студенты собирают лингвистические факты в рамках работы фольклорной, диалектологической, социолингвистической практик (реализация интегративного подхода), при выполнении НИР в рамках учебной практики в школе.

Так, работа только одного учебного года в формате студенческих практик в черте городов республики, НИР, личного лингвистического эксперимента ученых и студентов получены следующие результаты: сформирован корпус текстов, составлен словарь донецкого региолекта, положено начало описанию актуального словаря дончанина, описаны фонетические, грамматические, словообразовательные и синтаксические особенности речи жителей Донбасса, создан реестр орфографических и орфоэпических ошибок, разработаны рекомендации по их устранению.

Продуктивным себя показали следующие направления в исследовании:

1. Наблюдения за речевым поведением членов целевых социальных групп (например, академической группы студентов, профгрупп – спортсменов, библиотекарей, шахтеров и т.д.);

2. Глубокое интервьюирование отдельных представителей группы или людей по определенному принципу отобранных или стихийно представленных;

3. Обработка видео- и аудиоматериала (высказывания в СМИ, официальных источниках медийных личностей и представительств);

4. Анализ произведений словесного творчества на предмет особого словоупотребления, проявленного на разных уровнях языковой системы, повторяющихся мотивов и образов поэтического мира автора-земляка;

5. Запись непринужденного рассказа (ребенка, подростка, члена семьи, друга, прохожего и др.) – нарративное интервью, объединенное одной темой, например, жизнь во время войны, вера и суеверие, дружба, любовь, верность, судьба и т.д.;

6. Оценка речи с точки зрения типа речевой культуры, социальной и демографической информативности – например, тексты горожан (письменные источники – переписка, путевые заметки, дневники, рецепты, записки в социальных сетях и т.д.), материал печатных СМИ и пр.

7. Наблюдения над визуальным языком города (реклама, вывески, билборды, наименования учреждений и проч.) – исторический ономастикон и народная этимология;

8. Биографический метод исследования – записывание истории одной семьи или по единому сценарию опрашиваются представители нескольких донецких семей;

9. Интервью с «путеводителем» – комментарий-рассказ, записанный во время экскурсии по знаковым местам города, региона.

Параллельно основной работе – проведению полевого исследования – каждому студенту необходимо вести полевой дневник в виде общих наблюдений над речевым поведением информантов со словарем трудностей по РЯиКР или Словарем городского просторечия – список слов с пометами нарушений в отношении их использования респондентами.

Студенты-нефилологи активно привлекаются к групповой работе со студентами-филологами – это посещение открытых лекций, тематических круглых столов, заседаний рабочих групп, неформальных мероприятий. Имеется возможность вести как свой индивидуальный проект, так и работать над коллективным продуктом. Активно используются промежуточные обнародования результатов работы – проведение конференций разных уровней, публикации, заседания рабочих групп подгрупп. Это дает возможность совершенствовать навыки публичного выступления, тренировать аналитические способности, приобрести умение работать в команде.

Привлечение к лингвокраеведческой работе будущих специалистов является важным по ряду причин: помогает преодолеть «местячковость» при становлении специалиста, приводит к пониманию специфики и ценности личностных и коллективных наработок, формирует представление о родине и способствует развитию гражданского самосознания молодежи.

Мотивированная языковая компетентность является первоочередной при овладении всеми остальными компетенциями, студент получает новый социокультурный опыт (не перемещаясь, а, в крайнем случае, совершая внутреннюю миграцию), работает над собой, развивая желаемые способности, учится высокой степени адаптивности в ситуации общения и получения новых знаний, умений и навыков – все вместе это напрямую способствует профессиональному становлению личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошинова Т.Ю. Об актуальности введения курса «Русский язык и культура речи» в техническом вузе и некоторых связанных с этим проблемах / Т.Ю. Волошинова, Е.В. Ганапольская // Русский язык на рубеже тысячелетий: Материалы всерос. конф. 26–27 окт. 2001 г. В 3 т. – т. 3.: Теория и практика преподавания русского языка: традиции и перспективы. - СПб.: фил.ф-т СПбГУ, 2001. –С. 9–12.

2. Давлетбаева Р.Г. Методический подход к реконструкции языковой личности / Р.Г. Давлетбаева // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т.14. –№ 3. – С. 991–993.

3. Климкова Л.А. Лингвокраеведение в отечественном научном и образовательном пространстве / Л.А. Климкова // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – С. 92–96.

4. Павлова А.А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (На материале внутрисемейных родословных) / А.А. Павлова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 162 с.

5. Пискунова Е.Н. Интегративный подход к формированию лингвистической компетентности студентов технических вузов / Е.Н. Пискунова // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: специальный выпуск. – 2017. – II Всероссийская педагогическая научная конференция «Проблемы и современные направления развития образования в области аэронавигации», 19 мая 2017 г., г. Сызрань. – 2017. – С. 56–58.

6. Хохлов А.В. Кафедра русского языка на современном этапе / А.В. Хохлов // Труды СПбГТУ. – 2008. – № 508. – С. 127–132.

7. Шейдаева С.Г. Лингвистический аспект исследования истории и культуры региона / С.Г. Шейдаева // Филологический класс. – 2012. – № 2. – С. 79–83.

V.S. Korobova-Latyntseva

LINGUISTIC AND ETHNOGRAPHIC WORK OF STUDENT-NON-PHILOLOGIST

The article is devoted to the description of the possibility of introducing a student to the linguistic and ethnographic work while studying at a university in a non-philological specialty. Methods of collecting, prospecting, and interpretation of such work are considered in detail. Particular attention is paid to the educational function of the developed and proposed measures (implementation of civil and patriotic education) in the framework of linguistic and ethnographic work.

Key words: *linguistic local lore work, student-non-philologist, linguistic competence, study of local lore, regional studies*

УДК 811.161

Н.П. Курмакаева
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ ЛИНГВОРЕГИОНОВЕДЕНИЯ

Лингворегионоведение как относительно молодое направление лингвистики нуждается в разработке собственного категориального аппарата. Рассматриваются проблемные и не до конца решенные вопросы создания системы терминов и понятий – с опорой на методологический фундамент и

внутренние потребности дисциплины, обусловленные культурно-исторической спецификой объекта и предмета исследования.

Ключевые слова: лингворегионоведение, лингвокультура, региолект, регионализм.

Современное динамично развивающееся отечественное языкознание находится на пике активного исследования феномена, названного в свое время «человек и его язык», выявляет истоки, специфику, место в системе национального языка кластеров самого разного уровня – от идиолекта отдельно взятой личности до языковых особенностей целого региона как историко-культурной зоны [6; 8; 16; 21; 22].

Актуальность, теоретическое и практическое значение изучения, анализа, описания языка территории, на которой жили предки и функционирует современная региональная языковая личность, неоспоримы. Об этом свидетельствуют многочисленные труды лингвистов XX-XXI вв. (см., например, работы М.А. Бородиной, Т.А. Голиковой, Т.И. Ерофеевой, И.С. Зварыкиной, Т.А. Кадоло, Л.А. Климковой, С.А. Кошарной, В.А. Масловой, Т.Ф. Новиковой, Е.А. Оглезневой, В.И. Теркулова и др.).

Возникшее в связи с этим новое направление исследования языка – *лингворегионоведение* – призвано способствовать развитию интереса к региональному языковому пространству с особенностями его фонетической, грамматической, лексической, фразеологической и др. сфер. А для этого ему необходимо сформировать теоретическую базу: категориальный аппарат и инструментарий исследования этого пространства. В силу относительной «молодости» данного научного направления большая часть его понятийно-терминологической сферы, в том числе и само название, ещё не получили однозначного определения и строгого закрепления (см. об этом рассуждения В.И. Теркулова [6, с. 11 и след.; 19, с. 6], Т.Ф. Новиковой [8, с. 38; 15] и др.). Именно этим объясняем необходимость не только обсудить некоторые базовые понятия лингворегионоведения, но и охарактеризовать их в складывающейся системе.

Начнем с наименования дисциплины. *Лингворегионоведение* – термин, введённый для раздела науки о языке (автор – проф. Т.Ф. Новикова), целью которого является изучение языковой ситуации конкретного региона, «отмеченного лингвокультурной спецификой» [15]. Лингворегионоведение – относительно молодая дисциплина, поэтому до сих пор в научных источниках встречается употребление ряда синонимичных номинаций: «лингвокраеведение», «лингворегионалистика», «регионология», лингворегионология и др. Анализ сложившейся к 60-м годам XX в. ситуации с изучением отдельных кластеров национального языка с точки зрения их номинаций и взаимодействия в рамках *историко-культурных зон* (ИКЗ) находим у Л.А. Климковой: «Введение в научный, исследовательский оборот такой реалии и термина, как *историко-культурная зона*, оказалось

актуальным, необходимым, в частности, для отражения движения от лингвокраеведения в соответствии с отдельными микросистемами (отдельных населенных пунктов) к *лингворегионалистике* (*лингворегионоведению*) в соответствии с ИКЗ, входящей в (*лингво*)*страноведение*, (*лингво*)*россиеведение* <...>. При этом *лингвокраеведение* является традиционным термином и в то же время он более связан с изучением отдельных микросистем (поэтому и считается более характерным для школы), термин же *лингворегионоведение* – с изучением совокупности микросистем в пределах региона большего или меньшего масштаба» [10, с. 94]. Формирование этой комплексной дисциплины происходит на стыке краеведения, диалектологии, социолингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики и других смежных наук, у истоков её стоит, с одной стороны, диалектология, а с другой – краеведение (лингвистическое краеведение). К настоящему времени признается неоспоримым тот факт, что *лингворегионоведение* есть научно обоснованное направление в гуманитарном секторе, «которое рассматривается современными филологами и лингвометодистами в качестве реального пути изучения и преподавания родного языка через призму культуры» [21, с. 8], культуры «малой родины», родного края, а значит, несет большой воспитательный потенциал.

Как видим, научный интерес разрабатываемого направления значительно шире, чем просто языковые (речевые) особенности жителей того или иного региона. Поэтому и цель его лежит глубже: изучение языковой ситуации, сложившейся в регионе (для нас – в Донбассе), отмеченном лингвокультурной и культурно-исторической спецификой; освоение культурно-языкового пространства «малой родины» для постижения *ментальности и ценностных ориентиров* представителей данной ИКЗ.

Междисциплинарный характер лингворегионоведческого сегмента языкознания детерминирует развитие и функционирование в нем терминологии двух типов – общенаучной и узкоспециальной. С помощью общенаучного понятийного аппарата, в частности, обосновывается методико-методологическая база дисциплины. Прежде всего это понятие *культура*, толкуемое в узком смысле как «особая форма закрепления и передачи последующим поколениям достижений развития» (А.А. Леонтьев); «способ фиксации приобретенного опыта и трансляции его последующим поколениям» (В.В. Красных) и др. Мы, вслед за Т.Ф. Новиковой, предлагаем акцентировать на том, что *культуру* следует рассматривать «не просто как совокупность материальных и духовных произведений, т.н. артефактов культуры, созданных человечеством в процессе общественно-исторического развития, а как совокупность ценностей, а также способов их создания, применения, передачи от поколения к поколению» [16, с. 13].

В современном отечественном языкознании аксиоматичным является то, что *язык* – это часть человеческой культуры, её код, с помощью которого

создается когнитивная база, концептуальное поле, формируются представления о феноменах действительности (стереотипах, прецедентах, артефактах вторичного мира и т.п.), то есть создается **лингвокультура** – «культура оязыковленная, овнешненная и закреплённая в знаках языка» [12, с. 659]. Лингвокультура в её региональном преломлении составляет объект лингворегионоведения. Если **лингвокультурология** – «наука о живой связи языка и культуры» (В.Н. Телия), а её истоками признаются лингвистика и этнолингвистика, культурология и культурантропология, а также другие направления научной мысли, то лингворегионоведение как наука о культурно-языковом своеобразии отдельно взятого региона должно опираться на те же основания в их региональном осмыслении. В этом заключается антропоцентрическая и интегративная специфика дисциплины, а культурологический подход признается методологической основой концепции лингворегионоведения (см. работы Т.Ф. Новиковой).

К числу единиц лингвокультуры относится **концепт** – имя (субстантив), собравшее в пучок всю стоящую за ним в данной культуре информацию о значимом явлении, как логическую (понятийную, рациональную), так и сублогическую (коннотативную, чувственную) (Л.О. Чернейко); суть *понятия, погруженные в культуру* (Н.Д. Арутюнова); результат рационально-эмоционального осмысления действительности (В.В. Красных). Невозможно отрицать, что в региональных кластерах национальной культуры языком зафиксированы исторически сложившиеся **региональные концепты** – понятия, в которых сконцентрированы элементы рациональной и эмоционально-чувственной региональной лингвокультуры (например, хороним *Донбасс* со всеми его поверхностными и глубинными смыслами). Концепты в своей совокупности составляют лингвоконцептосферу. И в этом смысле приоритетного внимания заслуживает **лингвоконцептосфера донецкой речи**, под которой мы предлагаем понимать концептуальный мир регионального масштаба в рамках донецкого региолекта; совокупность концептов донецкого региолекта; языковое явление, имеющее свою оригинальную смысловую и информационную базу когнитивного сознания народа и отдельных личностей – жителей Донбасса, отраженное в семантическом пространстве языка, т.е. в региональной языковой картине мира. Например: *отнести за террикон; Караванная по нему плачет; тормозок для Шубина; судьба коногона*.

В результате определенных переосмыслений обычных слов, входящих в местную речь, возникает феномен **регионального дискурса**, который мы определяем как связный текст, характеризующийся наличием регионально отмеченных на уровне лексики, семантики, фонетики, грамматики и/или стилистики элементов, в совокупности с региональными экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными) факторами. Приведем пример диалога коренных дончан: - *Ты не знаешь, как сложилась*

судьба у N...? – Судьба коногона... - Понятно. Жаль (выражение *судьба коногона* означает ‘погиб в шахте’; именно об этом поется в народной песне «Смерть коногона»).

В центре современных лингвистических изысканий стоит человек – **языковая личность** (ЯЛ), «субъект речевой деятельности как носитель готовности создавать и принимать произведения речи (тексты)» [1, с. 8]. Её признают «лингвокультурным феноменом, вобравшим в себя “дух нации”» [8, с. 9]. Соответственно, в центре лингворегионоведческих разработок – **региональная языковая личность (РЯЛ)** – индивид, социализированный и инкультурированный в условиях регионально отмеченной среды, наделенный «региональным языковым сознанием» (И.И. Просвиркина), «региональной компонентой» (В.К. Харченко), «член территориально обособленного языкового коллектива, функционирующего в рамках данного дискурсивного пространства, обладающий регионально маркированными знаниями, представлениями, ценностными ориентирами и средствами их знаковой репрезентации, общими с другими членами данного сообщества» [4, с.131].

Важнейший признак РЯЛ – её **региональная культурно-языковая компетентность**: умение кодировать в знаках языка единицы региональной культуры и декодировать эти культурные знаки, расшифровывать культурную коннотацию знака на уровне региона (например, в донецкой речи: *тормозок для Шубина*). Соответственно, личность, обладающую углубленными знаниями и необходимым опытом в сфере современной антропоцентрической парадигмы («человек и его язык»; «человек в языке») с точки зрения динамики развития лингворегионоведения, а также владеющую системой методологических принципов и методических приемов исследования языка региона, следует признать как наделенную **лингворегионоведческой компетенцией**. Выработке этих компетенций призвана максимально способствовать университетская учебная дисциплина «**Введение в лингворегионоведение**».

Вполне оправданна необходимость включения в понятийную базу лингворегионоведения терминов и понятий из смежных наук, в частности – из психолингвистики и лингвокультурологии, таких как, например, **социализация** личности – «процесс вхождения ребенка в цивилизацию», в том числе через язык; «основной процесс, в ходе которого ребенок усваивает (присваивает) опыт, накопленный предшествующими поколениями» [13, с. 204]; процесс вхождения в общество, приобретение опыта, необходимого для выполнения социальных ролей, а также **инкультурация** – вхождение человека в культуру, освоение и присвоение присущих ей черт (мировидения и поведения), в том числе в оязыковленную культуру в виде языковой картины мира данного социума.

Одним из базисных для лингворегионоведения является общенаучное понятие **картина мира (мировидение)**, толкуемое разными учеными по-

разному: «субъективный образ объективной реальности» (Б.А. Серебренников); «мир, понятый как картина» (М. Хайдеггер); «отражение окружающего мира в голове человека» (В.В. Красных); «сумма ментальных значений, наиболее общих представлений о мире» (Т.Г. Утробина) и др. Она формируется в ходе контактов человека с миром. В лингвистике она сводится к **языковой картине мира (ЯКМ)** как совокупности знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике (В.А. Маслова), а в лингворегионоведении рассматривается на уровне **региональной ЯКМ**, которую можно определить как присущее данному языку региона определенное устройство системы понятий, отражающее специфические пути освоения окружающего мира коллективом продуцентов данного варианта национального языка, складывающееся из более частных фрагментов и компонентов как в соответствии с языковыми уровнями (лексическим, фонетическим, грамматическим и т.д.), так и в соответствии с представлениями о мире жителя региона (дом, быт, город/посёлок, род деятельности, образование, возраст и т.д.). Например: *Ты что, с террикона свалился? Что молчишь, угля в рот набрал? Заёлзанный, как шахтер* (о грязном, испачкавшемся ребенке); *На Донбасс со своим углем.*

Проще говоря, если общенациональная ЯКМ – это «мир в зеркале языка», согласно А.А. Леонтьеву, то региональная ЯКМ – это «мир в зеркале региолекта».

Центральные понятия лингворегионоведения – **региональный язык, язык региона, региональный вариант национального языка, региолект**. Чаще всего их не дифференцируют, используют как синонимы; в ряде случаев (вслед за М.А. Бородиной) предлагают развести как общее (первый термин) и частное (остальные, рассматриваемые как дублеты). Поэтому **региональный язык** – 1) в узком понимании: отдельно взятый региолект; 2) «это система всех языковых механизмов, обеспечивающих порождение и понимание речи в данном регионе» (Т.А. Голикова); 3) в широком понимании: система, объединяющая все региолекты (региональные говоры) одного языка [2, с. 29].

Язык региона понимается, с одной стороны, как «наддиалектное образование» [8, с. 37] (см. концепцию А.С. Герда), с другой – как более сложное, внутренне неоднородное явление, включающее «литературный язык, говоры и диалекты, распространенные на данной территории, жаргоны и социолекты, городское и сельское просторечие, явления смешения и контаминации родственных или контактирующих языков и др.» [15, с. 110]. Только соотношение составляющих его стратов может быть различным в разных регионах. За языком региона терминологически закрепилось именование **региолект** (автор В.И. Трубинский), ставшее распространённым благодаря работам А.С. Герда, который так обосновал наличие самого явления: «Выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой

устно-речевого общения больших групп этноса на определённой территории» [5, с. 13]. Он же сформулировал и понятие региолекта: особая форма устной речи, с одной стороны, не достигшая ещё статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием [5, с. 23-24]. Сейчас разработку теории региолекта осуществляют российские ученые из разных регионов страны: Л.А. Грузберг, И.С Зварыкина, Т.Ф. Новикова, Е.А. Оглезнева, А.А. Соколянский и многие др., в связи с чем наблюдаются различия в понимании объема, структуры, признаков этого феномена. Так, региолектом считают «речь жителей средних и малых городов, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия» [7, с. 300]; «речь, которую ее носители осознают и принимают как норму в узусе того региона, где региолект функционирует» [18]; разновидность местной речи, которая «возникает на базе национального языка под воздействием местных диалектов и полудиалектов, функционирующих на территории определенного региона» [22, с. 33]. Последняя характеристика относится к белгородскому региолекту, который «отмечен разноразличными и междиалектными чертами, представляя собой уникальную разновидность местной речи, лингвокультурный феномен с чертами полиэтничности и диалектной маркированности» [22, с. 34].

В последние несколько лет в разработку проблемы региолекта включился коллектив донецких ученых под руководством проф. В.И. Теркулова. Научному сообществу было предложено различать два вида региолектов – диалектные (описанные А.С. Гердом и его последователями) и диффузные (в терминологии В.И. Теркулова, где *диффузия языковая* – процесс взаимного заимствования слов, произношения или грамматических форм, развивающийся между близкородственными языками, результаты которого распространяются от одного носителя к другому при непосредственном общении в ситуациях частого контактирования).

Внесено уточнение в понимание классического региолекта: «...региолект – это не какая-то разновидность речи, не какой-то отдельный идиом, имеющий своих носителей, а **определенная регионально маркированная организация всего языкового пространства региона**» (выделено автором. – Н.К.) [6, с. 17]; «это цельная языковая система, включающая в себя как регионально маркированные, так и общезыковые элементы. Уникальность региолектов создается, скорее, не за счёт уникальности конкретных языковых фактов, а за счёт их “системного калейдоскопа”, особой регионально маркированной организации языка. Региональное и общее формируют единую систему, в которой общее во многом определяется региональным» [22, с. 61]. Именно названные доводы обуславливают необходимость и обязательность включения в понятийно-терминологический словарь дисциплины такого словосочетания, как

регионально маркированная языковая (речевая) черта (особенность, единица).

В отличие от диалектного *диффузный региолект* в своем становлении не проходил стадию диалектного существования, он не является результатом перерождения какого-либо диалекта. Как отмечает В.И. Теркулов, в его основе «лежит стабилизационная интегративная унификация системы миграционных идиомов», произошедшая на данной конкретной территории позднего заселения в процессе создания мигрантами «нового территориального субэтнического единства» [22, с. 61]; региолект, характеризующийся не столько уникальностью своих единиц, сколько уникальностью организации системы: «собранные в нем компоненты обычно сочленяются так, как никогда не сочленялись в исходных языках, диалектах и региолектах» [там же]. К данному типу относится *донецкий региолект* – продукт и результат языкового смешения и последующей языковой диффузии, произошедшей на территории позднего заселения Донецкого промышленного региона мигрантами – носителями разных языков, наречий, диалектов.

Специфические черты любого региолекта проявляются в живой речи его продуцентов – в идиолекте региональной языковой личности. Понятие *идиолект*, обозначающее «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка» [3, с. 171], становится актуальным при исследовании региолекта как единицы национального языка. В этом смысле особый интерес исследователей региональных вариантов языка должен вызывать идиолект элитарной региональной личности (местных писателей, поэтов, журналистов, общественных деятелей, ученых).

Разработка региолектов различных регионов страны привела российских ученых к необходимости согласиться с тем, что региональные языки, с одной стороны, неоднородны, а с другой – включают в себя разнообъемные периферийные страты национального языка (см., например, работы Е.А. Оглезневой, Н.Н. Соколянской и др.)

Материалы исследований донецких ученых показывают, что диффузный региолект имеет относительно зримую слоистую структурную организацию, представляя собой объединение различных городских идиомов по двум параметрам: по горизонтали (говоры населённых пунктов одного географического и социально-политического ареала) и по вертикали (объединение разных идиомов этих городов). Этим обусловлена необходимость в закреплении на уровне квалификации структуры донецкого региолекта следующих понятий: *региолектный говор* и *региолектный идиом*.

Говор региолектный – базовая единица региолектной стратификации; «объединение региолектных идиомов, функционирующих в пределах одного населенного пункта» [6, с. 19]. До недавнего времени при отсутствии понятия *региолект* широкоупотребительным было терминологическое

словосочетание *койне городское* (реже – *территориальное*) – «функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков» [14, с. 230]. Системное изучение региолекта позволило сохранить этот термин с конкретизированным значением как основную *форму* региолектного говора: либо это говор (язык) города, т.е. *региональное городское койне*, либо это говор сельского населенного пункта, т.е. *региональное сельское койне* [6, с. 19].

Идиом региолектный (региональный вариант идиома) – минимальная единица региолектной стратификации национального языка, функционирующая в определенном населенном пункте (например, городское просторечие Донецка, профессиональный жаргон Харцызска, азовский приморский сленг Новоазовска и т.д.). Если донецкий региолект рассматривать как полевую структуру, то **центральным, ядерным** региолектным идиомом в нем будет *городское просторечие*, поскольку оно, по результатам исследований, наиболее зримо и массово представлено у всех информантов, независимо от места жительства, возраста, пола и других социальных характеристик. *Региональное городское просторечие* – одна из частных форм *национального языка*, наряду с другими региолектными идиомами и литературным языком; совместно с ними составляет устную некодифицированную сферу региональной речевой коммуникации – региолект; доминирует в повседневной обыденной коммуникации и усваивается еще на стадии социализации индивида.

Издавна сложившийся в силу культурно-исторических процессов в Донбассе билингвизм его жителей породил явление, называемое в народе *суржиком*, который практически не дифференцируется с просторечием и куда входят многочисленные украинские заимствования, представленные не только лексемами, но и фонемами, морфемами, словоформами и т.п. Согласимся с тем, что *суржик* – некодифицированный разговорно-бытовой стиль языка (речь), который возник вследствие массового продолжительного контактного украинско-русского двуязычия в его диглоссной форме [20, с.54] и сейчас продолжает свое существование в региолектах славянского пограничья [8], в частности – в донецком региолекте.

Приядерную зону донецкого региолекта занимают *социолекты* как инвариантная социально маркированная подсистема языка; как основные маркеры «социолингвистического облика провинциального города» (Т.И. Ерофеева); они обычно отождествляются с тем, что называют *сленг*, или *жаргон*. В донецком региолекте достаточно зримо представлены два социолектных идиома: *шахтерский профессиональный жаргон* и *региональный молодежный сленг*. Сформулируем наше понимание данных составных элементов донецкого региолекта.

Жаргон профессиональный (шахтерский) – профессионально маркированная подсистема языка; региолектный идиом, функционирующий в регионе с особенным промышленным производством (в Донбассе – угледобыча) и специфической социально-профессиональной прослойкой жителей (шахтеры) – обладателей уникального речевого дискурса, который широко выходит за пределы данного микросоциума в общерегиональную сферу коммуникации, становясь принадлежностью донецкого региолекта (*рубать уголёк, гнать порожняк, забуриться, копытные*).

Сленг молодежный региональный – язык современной молодежи, дополненный словами и выражениями, принятыми в той или иной социальной группе молодых людей определенного региона (школьники, студенты, фанатские сообщества т.п.), постоянно обогащающий и расширяющий словарь «отраслевыми» и др. единицами, маркирующими особенности региона распространения (пример из переписки в соцсетях: - *Опять на Крупе встречаемся?* - *Не, давай на Чике...*, где *Крупа* – библиотека им. Н.К. Крупской, а *Чика* – ночной клуб «*Чикаго*»).

Указанные региолектные идиомы состоят из регионально маркированных языковых (речевых) минимальных значимых единиц – лексем-регионализмов. Регионализм как элемент и минимальная единица региолекта толкуется в работах специалистов довольно противоречиво. Например, одни его определяют как слово, функционирующее на определённой территории, не зафиксированное в толковых словарях литературного языка или получающее в них пометы обл., местн., прост., разг. [9, с.22] или как 1) «местное слово или выражение, бытующее на определённой территории, употребляемое носителями региолекта; 2) лексическая единица, заимствованная из другого языка, но используемая только на определенной территории – в региолектах, бытующих в зоне контактирования языков» (Т.В. Жеребило). Чаще всего под ним подразумевают слово и выражение разговорного характера, отмеченное региональной спецификой; как «часть региональной культуры» (И.С. Зварыкина); как «средство отражения региональной языковой картины мира» (Ц.Ц. Огдонова).

В современном лингворегионоведении активно говорят о необходимости разграничения широкого и узкого понимания регионализмов: узкие регионализмы представлены только в данном регионе, широкие – имеют более обширный ареал распространения, то есть такая территориально ограниченная языковая единица может быть представлена в нескольких регионах ([11, с. 18]). Представляется важной постановка вопроса об объеме и границах регионализмов (Т.Ф. Новикова, Е.А. Оглезнева, В.И. Теркулов и др.), т.е. об их внутриареальных взаимоотношениях.

Динамика развития научного знания такова, что решаемые ныне наиболее общие проблемы объема, содержания, границ явления

детерминируют обязательность вскрытия внутренней системно-структурной организации составляющих его единиц.

Своими соображениями относительно системно-структурной иерархии в сфере донецких регионализмов мы поделились в статье «К вопросу об объеме и уровневой стратификации регионализмов», опубликованной в сборнике [22, с. 39–43], где на конкретном эмпирическом материале показали, что донецкий региолект – явление не только многослойное, но и полистилевое. Для подтверждения данного тезиса применена методика Н.Н. Соколянской с распределением всех искомым единиц на три сегмента: *собственно регионализмы, относительные регионализмы, книжные регионализмы* [17: с. 57–58]. Считаем включение данных понятий в категориальный аппарат лингворегионоведения обоснованным и значимым: такой подход позволяет выявить и зафиксировать одновременно 1) сложную неоднородную стратификацию минимальных единиц языка региона, 2) их полевую структуру с ярко выраженным центром и размытой, плохо исследованной, но очень специфичной периферией, 3) их неограниченность рамками периферийных стратов национального языка, 4) динамику, пути и способы регионализации общего лексического фонда языка.

Собственно регионализмы – центр региолектного поля – включают региолексемы периферийных стратов национального языка: разговорно-просторечные, жаргонно-сленговые слова и выражения (в донецком региолекте это в том числе шахтерские профессионализмы), диалектные и устаревшие лексемы, а также примыкающий к ним пласт украинизмов, которые в русском литературном языке обычно воспринимаются как просторечия (*буряк, дурница, кричущий, радый, шукать* и проч.). Учитывая их общую стилистическую сниженность, мы предложили объединить данный региолектный массив термином *региолектизмы* по аналогии с *диалектизмами*» [22, с. 41].

Относительные регионализмы – ближняя периферия регионального пространства языка – лишены в словарях условной пометы «сниженное» и входят в узуальный пласт лексики на правах нейтральных местных номинаций: 1) узкоупотребительные апеллятивы (*террикон, копёр*); 2) регионимы всех разновидностей: региоперсонимы (*Артем, Беспощадный, Гиви, Засядько*); региотопонимы, региохоронимы и региогидронимы (*Бахмутка, Великоанадоль, Клебан-Бык, Саур-Могила*); региоурбанонимы (*Боссе, Грабары, Молодых Шахтеров*); региоэргонимы (гостиница «*Шахтёр*», магазин «*Горняк*», стадион «*Донбасс Арена*», шахты «*Ветка-Глубокая*»).

Пласт книжных регионализмов – дальняя (условная, нечеткая) периферия поля языка региона – тоже неоднороден: 1) активная терминология местного промышленного производства (*врубовая машина, кливаж, штейгер* и др.); 2) элементы языка художественной литературы и СМИ как маркёры реалий региона: регионально отмеченные эпитеты,

метафоры, сравнения и другие тропы и оценочно-характеризующие слова и выражения, «с помощью которых авторы достигают цели репрезентации региональной языковой картины мира» [22, с. 42] в ее художественном осмыслении, например: *Ночь над городом черна, как лава./ В антрацитовом небе – звезды / над шахтерской нашей державой...* (В. Калиниченко. Ночная смена). Такого рода авторские слова и выражения суть *региональные лингвопоэтизмы*: в них эксплицируется фрагмент узнаваемой региональной поэтической картины мира современного Донбасса [14, с. 376]. Анализ текстов произведений местных авторов обуславливает необходимость введения в категориальный аппарат дисциплины таких понятий, как *региональный текст, язык региональных средств массовой информации, региональная образность* и др., работа над которыми еще впереди.

Таким образом, сделаем несколько выводов.

Лингворегионоведение – наука лингвистическая, занимающаяся в первую очередь языковыми особенностями региона, следовательно, основной категориальный аппарат имеет языковедческую природу с поправкой на региональную специфику.

Лингворегионоведение – наука междисциплинарная, находящаяся на стыке нескольких смежных наук, чем обусловлено заимствование у них определенного количества терминов и понятий.

Лингворегионоведение – «культуросообразная область знания» (Т.Ф. Новикова), что объясняет важность включения в терминологическую базу категорий культуры.

Методологической основой отечественного лингворегионоведения признается культурологический подход, который способствует всестороннему развитию личности, что является основным содержанием и образования, и культуры, и социализации индивида, базой для формирования мировоззрения обучающегося. Этим обусловлен значительный понятийно-терминологический сегмент лингвокультурологии.

Регионоведческий аспект изучения языка и культуры региона выводит личность на новый образовательный уровень – постижение ментальности и ценностных приоритетов социума. В этом мы видим перспективы развития лингворегионоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс... докт. филол. н. / Г.И. Богин. – Ленинград, 1984. – 48с.

2. Бородина М. А. Диалекты или региональные языки? / М. А. Бородина // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 29–38.

3. Виноградов В.А. Идиолект / В.А. Виноградов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 171.
4. Ворожбитова А.А. Региональная языковая личность и лингворегионология как область научного поиска // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2008. – №11. – С. 130–138.
5. Герд А.С. Диалект – региолект – просторечие / А.С. Герд // Русский язык в его функционировании: тез. докл. Междунар. конф. (III Шмелевские чтения). – М., 1998. – С. 12–13.
6. Донецкий региолект: монография / [В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой и др.] ; под ред. В. И. Теркулов ; ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет" ; Фонд "Русский мир". - Донецк : [ООО "НПП Фолиант"], 2018. – 264 с.
7. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов [Эл. ресурс] / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 485 с. – Режим доступа: http://www.myfilology.ru/media/user_uploads/Tutorials/Zherebilo_T_V_slovar_lingvisticheskikh_terminov.pdf
8. Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сб. докл. уч-ков Междунар. научного форума (г. Новозыбков, Брянская обл. 23-26 окт. 2019 г.) / Под ред. С.Н. Стародубец и др. – Брянск, ООО «АВЕРС», 2019. – 707 с.
9. Кадоло Т.А. Региональная лексика как проявление поликультурности / Т. А. Кадоло // Язык и культура. – 2011. – № 2 (14). – С. 22–31.
10. Климкова Л.А. Лингвокраеведение в отечественном научном и образовательном пространстве // Вестник Костромского го ун-та. Языкознание и литературоведение. – 2017. – Спец. выпуск. – С. 92–96.
11. Кошарная С.А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование / С.А. Кошарная // Научн. ведомости Белгородского гос. университета. Гуманитарные науки Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – Белгород, 2017. – С. 14–25.
12. Красных В.В. Некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка : труды и м-лы / составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во МГУ , 2010. – С. 659–660.
13. Красных В.В. Основы психолингвистики. Изд. 2-е, доп. – М.: Гнозис, 2012. – 333 с.
14. Курмакаева Н.П. Донбасс в языковой картине мира поэта. // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. статей IV Междунар. симпозиума (9-11 июня 2020 г.) / отв. ред. Г. Ю. Богданович, Е.Я.Титаренко. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : Изд. дом КФУ, 2020. – С. 375 – 379.

14. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
15. Новикова Т. Ф. К проблеме изучения языка региона // Русская филология. Научно-методический журнал. Харьков: ХНПУ. – 2009. - № 41. С. 107–113.
16. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) / кол. моногр. под ред. Т. Ф. Новиковой. – Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 228 с.
17. Соколянская Н.Н. Теоретические и практические занятия по региональной лексике Крайнего Северо-Востока / Н.Н. Соколянская // Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток) / под ред. А.А. Соколянского. – Магадан, СВГУ, 2016. – С. 57–84.
18. Степанова И.Ж. К проблеме выделения регионального слова / И.Ж. Степанова // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Междунар. конгресс исслед-ей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 558–559 .
19. Теркулов В.И. О понятии «региолект» // Вестник Донецкого нац-го ун-та. Сер. Д. Филология и психология. – 2018. – № 3–4. – С. 5–16.
20. Труб В. Явище суржику як форма просторіччя в ситуації двомовності // Мовознавство. – 2000. – № 1. – С. 46–58.
21. Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 18–20 мая 2017 г.) / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 328 с.
22. Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства : сборник статей по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. – 362 с.

N.P. Kurmakaeva

ABOUT FORMATION OF A SYSTEM OF BASIC CONCEPTS OF LINGUISTIC REGIONAL STUDIES

Lingvoregionology as a relatively young scientific direction of linguistics needs to develop its own categorical apparatus. The article discusses problematic and not entirely resolved issues of creating a system of terms and concepts – based on the methodological foundation and inner needs of the discipline, due to the cultural and historical specifics of the object and subject of research.

Key words: *lingvoregionology, lingvoculture, regiolect, regionalism.*

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБРАЗОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ДРАМЫ

В данной статье в сравнительном аспекте анализируются маринистические образы драмы Иоанникия Волковича «Размышление о муке Христа, Спасителя нашего» (1631 г.) и пьесы Дмитрия Ростовского «Успенская драма» (1680 г.). Автором статьи выявляется связь маринистической образной парадигмы исследуемых текстов с библейской образной системой и славянским фольклором на архетипном уровне.

Ключевые слова: древнерусская религиозная драма, маринистические образы, пасхальный архетип, образная парадигма, славянский фольклор.

Древнерусская религиозная драма эпохи барокко – феноменальное явление поликультурного пространства славянских народов. Без изучения образной системы памятников древнерусской религиозной драмы невозможно глубинное понимание произведений последующих эпох и их эстетическое осмысление.

Вопросы становления и развития древнеславянской драмы отражены в трудах Е. Прокофьевой, М. Одесского, И. Козлик. Проблематике и поэтике духовной драмы Дмитрия Ростовского посвящена докторская диссертация Н. Головановой [3]. Авторская концепция общеславянского барокко митрополита Ростовского рассмотрена в работах Л. Сазоновой, В. Соболев, Р. Голик, В. Левченко. Драматургическое творчество Иоанникия Волковича – предмет научного интереса В. Шевчука, О. Максимчук, Г. Дидик-Меуш и др. Герменевтические аспекты литературоведческого дискурса актуализированы в работах Д. Зеленина, Н. Антоновой, С. Лановик, Д. Курдюмовой.

В данной статье имеем целью реконструировать маринистическую составляющую картины мира двух памятников древнерусской драмы. Одна из главных задач – рассмотреть художественные импровизации пасхальной темы на образном уровне в драме «Размышление о муке Христа, спасителя нашего» («Розмышляння о муці Христа, спасителя нашего»), созданной Иоанникием Волковичем, православным монахом и проповедником в 1630-1631 годах [2] и пьесе Дмитрия Ростовского (Дмитра Туптало – укр.) «Успенская драма (Комедия на успение Богородицы)», предположительно датированной 1680-м годом [10].

В психоаналитических работах Марии-Луизы фон Франц образ моря трактуется как один из символов бессознательного [13, с.172]. О связи маринистической символики с обрядами духовного перевоплощения

человека идет речь в трудах М. Элиаде, К. – Г. Юнга, В. Балущка [1]. Поскольку море – один из инициальных символов, маринистические образы в древнерусской религиозной драме, по нашему мнению, указывают на то художественное пространство произведения, которое отражает духовный мир человека.

Образы в древнерусских религиозных пьесах по способу проявления сравнимы с образами сновидений, в которых каждый предмет может быть отражением другого. Но, в отличие от образного мира сновидений, художественный мир древнерусской религиозной драмы структурирован жанровым канонem, выстраивается по определенным принципам (художественным, театральным, эстетическим), с соблюдением правил аллегоризации, предписанных барочными поэтиками. К тому же, сюжетные схемы религиозной древнерусской драмы существенно не деформируются, так как связаны с библейскими фабулами и христианской символикой.

С помощью трехъярусной сцены в барочном религиозном театре реконструируются пространственные отношения объектов мира. Пространственная модель древнерусской религиозной драмы представляет три измерения бытия человека. Самый нижний ярус – ад. Сюда попадает грешная душа. В среднем ярусе изображаются земные события. В верхнем – воспроизводятся образ рая и события священного писания. Образ миропорядка в драмах И. Волковича и Д. Ростовского, как и в других барочных религиозных пьесах, – *«Действие на Рождество Христово»*, *«Торжество Естества Человеческого»*, *«Царство Натуры Людской»*, *«Мудрость Предвечная»* – представлен трехуровневой структурой.

В драме И. Волковича *«Размышление о муке Христа, спасителя нашего»* и пьесе Д. Ростовского *«Успенская драма»* христианская модель мира включает морское пространство. Такая импровизация обусловлена рядом маринистических образов фольклорного и библейского происхождения.

В устном народном творчестве славян образ моря связывают как с жизнью (*«житейское море»*), так и со смертью или потусторонним миром, что закрепилось в устойчивых выражениях *«мертвое море»*, *«по ту сторону моря»*. В украинской народной загадке образ моря замещает образ неба: *«Серед моря-моря стоїть красна комора»* (укр.), а в одной из пословиц море ассоциируется с житейскими трудностями: *«Ночвами море не переплисти»* (укр.).

Образ *«моря-океана»* встречается в славянских заговорах и включен в картину мира как русских *«По щучьему велению»*, *«Царевна Лягушка»*, *«Золотая рыбка»*, так и украинских народных сказок – *«Чого море солоне»*, *«Про бідного парубка і царівну»* (укр.). Во многих славянских народных сказках герой преобразуется сам или способствует преобразению других. Тема преобразования человека актуализируется благодаря образу воды. Амбивалентные образы живой и мертвой воды – неизменные атрибуты

инициальных обрядов волшебных сказок, в которых герои излечиваются и даже воскрешают. Амбивалентный образ воды встречается в ряде устойчивых выражений Священного Писания: «начало вод земных», «обильно текущие источники». Образ морской пучины соотносится с «тяжкими бедами», «местом осужденных на вечные муки бесов и грешников, отверженных Богом» [7, с.78].

Образ моря в библейской картине мира занимает центральное место. Православные христиане считали, что при сотворении трехъярусного мира Бог использовал первобытное вселенское море: «... *вся, елика восхотѣ Господь, сотвори на небесѣхъ и на землѣхъ, въ моряхъхъ и во всѣхъ бѣзднахъ (Пс. 94:5)*» [9] или «... *глаголюща гласомъ великимъ: убойтеся Бога и дадите ему славу, яко прииде часъ суды его, и поклонитесь сотворшему небо и землю, и море и источники водныя (Ион. 1:9)*» [6].

Как гласит Книга бытия, вначале земля была пустой, над бездной царил тьма и лишь Дух Божий витал над водой: «*И рече Богъ: да соберется вода, яже / подъ небесемъ, въ собраніе единое, и да явится суша. / И бысть тако. И собрися вода, яже подъ / небесемъ, въ собранія своя, и явися суша. / И нарече Богъ сушу землю, /и собранія водъ нарече моря. / И видѣ Богъ, яко добро (Быт. 1:2, 9–10)*» [5]. Над землей, морем и небом возвышался престол Всевышнего: «*Господь потопъ населяетъ, и сядетъ Господь Царь въ вѣкъ (Пс. 28:10)*» [9]. Престол Всевышнего в христианской картине мира символизирует победу Бога Творца над царившем до его прихода хаосом. Море, литое из меди, разливалось у входа в храм Соломона. Море у храма поддерживали двенадцать волов, три из которых смотрели на север, три на запад, три глядели на юг, еще три – на восток: «*И дванадцать воловъ подъ моремъ, три зрящи на сѣверъ, и три зрящи на югъ, и три на западъ, и три на востокъ, и вся задняя ихъ внутриду, и море верху ихъ (7:23–26)*» [5].

В своем откровении Иоанн Богослов говорит о том, что видел перед Божьим престолом стеклянное море, напоминающее кристалл, а также четырех животных вокруг престола и Божьи гусли (цитры): «*И видѣхъ яко море сткляно смѣшено со огнемъ, и побѣдившыя звѣря и образъ его, и начертаніе его и число ѡмене его, стоящыя на мори стклянѣмъ, имущыя гусли Божія (Откр. 4:6, 15:2)*» [6].

Гусли, цитры и другие инструменты в библейском писании указывают на связь с праздником или трауром, поскольку являются обязательными атрибутами обрядовых действий. Упоминание о различных музыкальных инструментах встречаем в произведении И. Волковича «*Стих на радостный день Воскресения Христа, спасителя нашего*» («*ВЪриѢ на радостный день воскресенія Христа, спасителя нашего*»). В этом тексте пасхальная тема также разрабатывается в маринистическом ключе: «*Ангелъ: Радости, горких смутков овшеки нехайте. / ВсѢ розныи музики, к нам ся, к нам зберѢте, / Прелюбезной утѢхи нам допоможѢте, / Орфей и Аріон, вас к собѢ взываем, / До нашего веселья и вас запрошаем. / Стройте цитари, лютнѢ, в арфы*

миле бійте, / Мелодійними думи нас всѢх веселѢте. / Бійте в лютнѢ а нехай лѢсы выскакуют, / И морскіи дельфины при брегу танцуют. / Хоры аггелскіи, и вы к нам завітайте, / И з нами «Христос воскрес» весело спѢвайте» [2, с.119].

В этом отрывке персонафицируется не только образ моря-океана, но и образы леса, мелодических дум, ангельских хоров. Пространственно-временной континуум, где звучит музыка, ангельское пение и танцуют дельфины, представляет образ морского рая. И если в драме И. Волковича *«Размышление о муке Христа, спасителя нашего»* встречается образ дельфина, соотносимый с эмблемой Христа Спасителя, то в пьесе Д. Ростовского *«Успенская драма (Комедия на успение Богородицы)»* актуализируется образ Кита, который в христианской традиции символизирует дьявола. История о пребывании Ионы в утробе Кита – одна из старозаветных разработок инициальной темы. В драме Д. Ростовского параллельно с библейской историей о чудесном спасении пророка Ионы звучит тема скорого воскресения Богородицы.

В драме И. Волковича *«Размышление о муке Христа, спасителя нашего»* образ воды подается как животворящее начало: *«Але врихле вода ся ему оказала, / В тяжком небезпеченстве живот даровала. / З Вифлиемской кринице и Давид жадает / Води вкусити, ото горливе волает» [2, с. 110].* Как часть модели мира, образ моря выступает и в пьесе митрополита Ростовского *«Успенская драма»*. В одной из сцен пьесы Ангел обращается к человеку с назидательной речью: *«Возри на долную твар, юноше блаженный, / Изочти песок воскрай мора положенный» [10, с.174].* В драме Д. Ростовского говорится о том, что Дева Мария – воплощение Божественного начала, а связь с небом обеспечивает «лествица» – мост к небу, переброшенный через море: *«Через море – мир к небеси мостом будет миру...» [10, с.177].* Богородица для христиан – символ надежды на заступничество и спасение.

В пятом явлении второго действия в пьесе Д. Ростовского *«Успенская драма»* образ Богородицы изображается в эмблематическом плане – презентуется через изображение ее атрибутов, среди которых – котва (рулевое устройство корабля). Все атрибуты Богородицы являются её качествами и упоминаются в похвале, провозглашаемой в ее честь, *« ... так как она возглавляет церковь, является венцом рая, компасом церковного корабля, крыльями, с помощью которых монахи поднимаются лестницею добродетелей; она же является ключом от ворот рая, свеча перед божественным киотом, защитница городов и тому подобное. Труба, шлем и меч символизируют то, что Богородица является победительницей» [4, с. 332].*

Сама церковь для верующих символизирует корабль, плывущий в житейском море. Якорь – символ надежды. Рыба и дельфин – символы

Христа. С маринистической символикой связана старозаветная история о спасении людей и животных в Ноевом ковчеге во время вселенского потопа.

В драме И. Волковича *«Размышление о муке Христа, спасителя нашего»* персонифицированный образ этой пьесы – Душа Набожная – указывает на очищающую функцию моря: *«Затверделое милосердье рач в него вдарити. / Аби обфитое слез море спустило, / Которое би грехи мои очистило»* [2, с.100]. Образ моря в драме И. Волковича ассоциируется со слезами, горем и печалью, что выражено в монологе фигуры Плача: *«Уви, тяжкая скорбь мя обточила, / Отхлань округних смутков позлотила. / Обшило мене глубокое море, / Горкое горе»* [2, с.114]. Следует обратить внимание на гиперболизацию монолога фигуры Плача в *«Успенской драме»* Д. Ростовского: *«... Нас в море слез втопляеш. / Поели чрез тя свет от Сина, / Буди нам радост едина!»* [10, с.199]. Здесь минорная тема скорби о смерти Богоматери переходит в мажорную тему радости. Если в драме И.Волковича природные стихии олицетворяются, то в пьесе Дмитрия Ростовского *«Успенская драма»* образ моря кристаллизуется через метафору и эпитеты. Митрополит Ростовский был противником двоеверия и считал недопустимым в религиозных пьесах прибегать к приему олицетворения природных стихий.

Несмотря на то, что драма И. Волковича *«Размышление о муке Христа, спасителя нашего»* принадлежит к пьесам пасхального цикла, а пьеса Д. Ростовского *«Успенская драма»* посвящена другому сакральному событию – усению Богоматери, в обеих драмах в маринистическом ключе разрабатывается тема воскресения, новозаветные сюжеты звучат параллельно с ветхозаветными. А в сюжетные линии драмы И. Волковича вплетаются еще и мифологические мотивы, связанные с символикой обновления. В обеих драмах формируются доминанты архетипической темы: море – музыка – воскресение божественного начала – радость – ликование. Если, по высказыванию М. Элиаде, *«религиозные явления бесконечно повторяют архетип»* [12, с. 361], то драмы И. Волковича и Д. Ростовского через образную (*образы-символы земли, неба, рая, ада, моря-чистилища*) и сюжетную (*путешествие в преисподнюю, вознесение на небо, распятие, воскрешение*) парадигмы актуализируют пасхальный архетип, показывая в маринистических импровизациях его многогранность.

Манифестациями пасхальной темы являются многочисленные мотивы и сюжетные аллюзии библейского происхождения. В обеих драмах подается один из вариантов христианской картины мира, в которой море является его частью.

Символика моря в драмах И. Волковича и Д. Ростовского амбивалентная: море – это и реки кровавых слез, и ад-чистилище, и Царство Божье. Маринистический характер импровизаций пасхальной темы обусловлен актуализацией архетипа воды. В анализируемых драмах море выступает местом испытания и соотносится с образом чистилища. Оно

становится одним из временно-пространственных измерений, в котором человек может духовно преобразовываться.

Трехъярусная модель мира в древнерусской драме символизирует не только художественное пространство произведения, но и временной континуум христианина. Такой образ миропорядка отражает христианское мировоззрение и религиозно-философские представления о соотносимости организации внутреннего мира человека и модели Вселенной. Сюжеты и образы в древнерусской религиозной драме осмысливаются в контексте библейской сюжетно-образной парадигмы и семиотической системы барочного театра.

Древнерусская религиозная драма – уникальное явление барочной культуры. Авторы древнерусских пьес, в которых осмысливались библейские сюжеты, моделировали в сознании человека религиозное видение мира. Сложный семиотический код фольклорных, мифологических и библейских образных парадигм представлял древнерусскому человеку мир в измерениях различных знаковых систем. В барочных пьесах И. Волковича и Д. Ростовского представлена картина целостного восприятия мира христианином, актуализирована символика обновления. В рассмотренных драмах пасхальный архетип проявляется в драматическом тексте посредством маринистических образов фольклорного и библейского происхождения. Художественные импровизации пасхальной темы в пьесах Д. Ростовского и И. Волковича имеют архетипическую природу и представляют собой пример контаминаций разнопланового сюжетно-образного материала.

Перспективным направлением дальнейших исследований является выявление мифологической образной парадигмы барочных пьес пасхального и рождественского циклов, а также определение жанрообразующего потенциала архетипических символов обновления в древнерусской религиозной драме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балужок В. Обряди ініціацій українців та давніх слов'ян / В. Балужок. – Львів – Нью-Йорк, 1998. – 215 с.
2. Волкович Й. Розмышляння о муцѣ Христа, спасителя нашего // Возняк М. Діалог Йоаннікія Волковича з 1631 р. // ЗНТШ – 1920. – Т. 129. – С. 33 – 79. / Й. Волкович (дата обращения 20.09.2019) – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/ukrpoetry/anto56.htm>
3. Голованова Н.Д. Проблематика и поэтика духовной драмы святителя Дмитрия Ростовского / Н.Д. Голованова : дисс. к.филол.наук. – 10.01.01. – Ярославль, 2002. – 217 с.

4. Державин О.А. Димитрий Ростовский. Успенская драма (Комедия на Успения Богородицы) // Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. – М.: Наука, 1972. – С. 329-332.
5. Книга бытия (дата обращения 20.09.2019) – Режим доступа: <https://azbyka.ru/biblia/?Gen.1:2,9-10&c~r&rus>
6. Откровение Иоанна Богослова (дата обращения 20.09.2019) – Режим доступа: <https://azbyka.ru/biblia/?Апок.14:7&c~r&rus>
7. Православный библейский словарь / Под ред. К.И.Логачева. – Санкт-Петербург, 1997. – 696 с.
8. Псаломъ Давиду, исхода скинии // Псалтырь. (дата обращения 20.09.2019) – Режим доступа: <https://azbyka.ru/biblia/?Ps.28:10&c~r&rus>
9. Псалтырь (дата обращения 20.09.2019) – Режим доступа: <https://azbyka.ru/biblia/?Ps.134:6&c~r&rus>
10. Ростовский Д. Успенская драма (Комедия на успение Богородицы) // Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в./ Под. ред. О.А.Державина, А. С. Демин, В. П. Гребешок / Д. Ростовский. – Москва: Издательство «Наука», 1972 – С. 172 – 219.
11. Третья книга Царств (дата обращения 20.09.2019) – Режим доступа: <https://azbyka.ru/biblia/?1King.7:23-26&c~r&rus>
12. Элиаде М. Тайные общества: обряды инициации и посвящения / М. Элиаде. – К., 2002. – 352 с.
13. Юнг К. – Г., фон Франц М. – Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / К. – Г. Юнг, М. – Л. фон Франц, Дж.Л. Хендерсон, И. Якоби, А. Яффе. – М.: Серебряные нити, 1998. – 324 с.

T.P. Plachtiy

ARCHETYPICAL NATURE OF IMAGES OF ANCIENT RUSSIAN RELIGIOUS DRAMA

In this article the seascape images of the drama «Reflection on the torment of Christ our Savior» (1631) by Ioanniky Volkovich and the play «Assumption drama» (1680) by Dmitry Rostovsky are analyzed in a comparative aspect. The author of the article reveals the connection of the marine figurative paradigm of the studied texts with the biblical figurative system and Slavic folklore at the archetypal level.

Key words: *ancient Russian religious drama, seascape images, Easter archetype, figurative paradigm, Slavic folklore.*

СОДЕРЖАНИЕ

Лексикология и стилистика

- Евсеева М.Г.** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») 4
Особенности поэтических интерпретаций окказиональной идиомы «Медный всадник»
- Гладкая Н.В.** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») 14
К вопросу о демотиваторах как неотъемлемой составляющей интернет-дискурса
- Стебунова А.Н.** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») 21
Системные отношения в медицинской терминологии
- Титаренко Э.А.** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») 29
Систематизация представлений, находящихся в основе наименований множественных объектов и интенсивности проявления признака
- Шацкая М.Ф.** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет) 37
Языковые средства формирования иронии в пропозициях характеристики и тождества

Словообразование и грамматика

- Соснина Л.В.** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») 46
К вопросу о месте имен прилагательных в словообразовательном гнезде
- Рязанова В.А.** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») 52
Идиоматичность семантики сложносокращённых слов

Дискурсология и генристика

Богданович Г.Ю. (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского») Крымский контекст: о лингвокультурной ситуации, нормативной базе и языковом кодексе	60
Коробова-Латынцева В.С. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Лингвокраеведческая работа студента-нефилолога	70
Курмакаева Н.П. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») О формировании системы базовых понятий лингворегионоведения.	77
Плахтий Т.П. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Архетипическая природа образов древнерусской религиозной драмы	91

CONTENTS

Lexicology and Stylistics

Evseeva M.G. Features of poetic interpretations of the occasional idiom «Bronze horseman»	4
Gladkaya N.V. About the demotivator as an intolerable internet-discourse component	14
Stebunova A.N. System relations in medical terminology	21
Titarenko E.A. The systematization of conceptions, which are based on the multiple objects and the intensity names	29
Shatskaya M.F. Linguistic means of formation of irony in the characterization of propositions and identities	37

Derivation and Grammar

- Sosnina L.V.** Studying of adjectives place in the word-forming family 46
- Riazanova V.A.** Idiomatic semantics of complex words 52

Discourse and Genristics

- Bogdanovich G.Yu.** Crimean context: on the linguocultural situation, regulatory framework and language code 60
- Korobova-Latyntseva V.S.** Linguistic and ethnographic work of student-non-philologist 70
- Kurmakaeva N.P.** About formation of a system of basic concepts of linguistic regional studies 77
- Plachtiy T.P.** Archetypical nature of images of ancient russian religious drama 91

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf. **Страницы не нумеруются.**

Объем статьи – 6 страниц (полных).

Размещение:

- формат бумаги – А 4;
- поля: сверху и внизу – 2,5 см., слева 3 см., справа 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman , размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ – 1 см.;
- межстрочный интервал – 1;
- первая строка – индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа)
 - вторая строка – инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю жирным курсивом: *М.Н. Иванова*;
 - третья строка – название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
 - четвертая строка – сведения о научном руководителе – печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках – (*Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов*);
 - пятая (и при необходимости 6, 7 и т.д.) строка – название статьи – печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
 - через строчку – аннотация на русском языке (12 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3-5 слов, курсивом)
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
 - а. в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
 - б. для названий произведений используются "угловые" кавычки: «Война и мир»;
 - в. цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть "угловые" кавычки: «..."...»;
 - г. необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;
 - д. если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

- е. Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М.Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.
(А.Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (12 кегль без абзацного отступа). Словосочетание **ЛИТЕРАТУРА** (Жирный) выравнивается по центру страницы. Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Формат: абзацный отступ – 1 см., выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35-36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. – Саратов: КомКнига, 2006. – 192 с.

2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. – С. 36–42.

4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог, наук: 10.02.19 – теория языка / Комаров Георгий Владимирович – Краснодар, 2007. – 24 с.

5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

И т.д.

2. Далее приводятся инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по правому краю) **на английском языке.**

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- текст аннотации на английском языке (12 кегль)
- ключевые слова (курсив).

Образец оформления статьи:

УДК 81'42

Н.В. Гладкая

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ
КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ
В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст текст текст ...

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. - № 5. – С. 74-85.
3.

N. V. Gladkaya

**THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED
TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION**

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential

3. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают **рецензию** научного руководителя.

4. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

5. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.